

Александр Владыкин
Остров священной гусеницы

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Владыкин А. Е.

Остров священной гусеницы / А. Е. Владыкин — «ЛитРес:
Самиздат», 2017

ISBN 978-5-5321-1914-7

Эта книга о том, каким представляют наш мир герои, попавшие в наши дни из далёкой земной цивилизации, спрятанной от нас занавесом времени, суеверий и религий. Их невероятные приключения в тех мирах нашей планеты, о которых мы даже не подозреваем, встреча с фантастическими существами, которые живут рядом с нами и которых мы предпочитаем не замечать или, чтобы не усложнять свою жизнь, делаем вид, что их не существует, закрывая ладошками глаза.

ISBN 978-5-5321-1914-7

© Владыкин А. Е., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Том 1. Глава 1.

Сегодня последняя звезда окупнется в Нил, и великая Анукет завершит сбор добычи, пришло время подсчета долгов. Пока отец пересчитывал зерно в амбарах, превращал молоко в сыр, перещупывал золотые и серебряные слитки, Аника вместе с такой же гурьбой сверстников, улизнула от этих скучных взрослых дел. Улицы Фивы всегда больше притягивали ребятню, чем надоедливые указания родителей и их многочисленных родственников. Острый глаз ребёнка, как уаждет, подмечал любое изменение в облике многочисленных улиц этого большого города. Здесь можно было встретить индийского факира, волшебной меллодией, выманивающего змею из длинного и узкого медного сосуда. Змея, как пьяная, танцевала, реагируя на незаметные взмахи его дудочки. Рядом, его соотечественники, жонглировали факелами, глотали и изрыгали огонь. Ходили напыщенные жрецы, их многочисленные соглядатаи. Под заборами, ютившиеся карлики-клоуны, перекривляли их походку. Веселье Беса несли в себе эти бродячие индийские племена. Но мудрое око Сета обходило их, и взгляд жрецов, уже привыкших к кривлянием комедиантов, скользил мимо их, вылинявших на солнце, шалашей. Черные, как и драгоценное дерево из Африки, нубийцы, точили свои мечи. Фараон пополнил своё войско наёмниками. Они совсем не знали египетского языка, приманивали женщин мешочками серебра. Фараон, каждые полгода, щедро расплачивался со своими войнами. Здесь даже можно было увидеть редкость-желтых, как желток яйца, священной птицы Ибис, женщин, найденных самим Гором, в излучинах диковинной страны. Иногда, приводили в кандалах слуг Осириса, белых людей, разговаривающих непонятным языком бездны. Фараон покупал их, чтоб скормить священным крокодилам, и богиня Таурт была благосклонна к народам Атона, к городу Фивы. Вечером, в честь праздника землевладельца, в честь ознаменования Анукет, проводился обряд очищения: ещё живой, шумерский колдун, посаженный на кол, и его избитый привязанный ученик, ждали своей участи на главной площади Фивы. Шумериец, посмел перед божественным фараоном, представить образцы письменности чуждого письма, другую науку и культуру. За что и был наказан. Нет того, чего не должно быть! Атон был склонен к Фараону, правящему Египтом. Приговорённые ждали своей участи? Колдун умирал, и только жрецы, знали, что он не переживёт эту ночь. А ученик, сегодня вечером примет целый кувшин расплавленного свинца, и слава Атону, никто и никогда не узнает, что есть такая страна Месопотамия.

Дети, как губка, впитывали всё уличное воспитание, его менталитет, его политику, и правила действия. Никто, никто не подал воды, ни умирающему колдуну, облегчив его мучения, никто не подал воды его темноволосому ученику, эта вода стояла в ста шагах от жертвы. Солнце потихоньку заходило за горизонт. Начинаясь праздник. Народ стекался со всех рабочих окраин, степенные оседлые крестьяне, со своими, многочисленными семьями, заполняли площадь, знать, окруженная рабами, старалась занять лучшие места, военные, в порядке своей субординации, занимали оставшиеся свободные сектора площади. Появился Фараон, жрецы и их грифоны-осмотрители, главные действующие лица. Про жертву вроде все забыли, Детвора, преодолев все лазейки, смогла проникнуть почти под ноги осужденным, даже слышала хриплый вздох ученика Шумерийца. Сам же Шумериец был без сознания. Было весело, но нам не понять. Над храмом зажглись факелы, большие и малые барабаны известили народ, об открытии дверей храма, и божественная Мерит, языком музыки, встречала процессию восхождения Фараона на престол. Женщины-жрецы омыли ноги живому земному богу, и словно сам, великий Нун коснулся его ступней. Смычк, пробежал по струнам каманги, и под звуки серебряных труб, Фараон опустился на трон, поддерживая посох и плеть, символы божественной власти над смертными. Две чаши, вырубленные рабами-арамеями в розовом граните, были уже полны кровью жертв, чёрных и белых барашек. И только средняя чаша была пуста и ждала своего часа; жрец, гадающий по внутренностям жертвы, уже потирал вспотевшие от нетер-

пения руки. Шумерийцу дали воды с хмелящим корнем мандрагоры, налили предсмертный кубок вина с порошком марихуаны, сняли с кола. И буквально, втащили его к жертвенной чаше. Жрецы требовали, чтобы он признался в своём колдовстве, облегчая участь себе, и участь самих жрецов, которым уже порядком надоело упрямство чужеземца, не признающего египетских богов. Он сказал, на хорошем правильном языке с Фивинским выговором: -Я съем Солнце! Я убью Атона в городе его! Фараон рассмеялся, его поддержали жрецы. Вскоре вся площадь обсуждала эту шутку иноземного колдуна. Жрец, стоящий у жертвенной чаши, опробовал остроту ножа и ждал сигнала. Вдруг резко стало темнеть, на небе не стало половины солнечного диска, потом ещё, ещё...и солнце пропало. С воплями ужаса разбежались все, оставив всё у храма Атона, и оружие, и музыкальные инструменты, и посох с плетью. Шумериец дополз до трона, забрался на него, засмеялся и умер. Его никто не слышал, рядом никого не было. Операторы адронного коллайдера опять зафиксировали аварию, приведшую к пробоем схемы, полетели какие-то магнитные ограничители, не выдержав нагрузки, на данном участке пути, испытываемых частиц. Коллайдер выведен в ремонт.

Джафар очнулся от чьего-то толчка, кто-то пытался его раздеть, захватывая край его одежды. Он медленно открыл глаза. Рядом с ним стоял осел и пережёвывал часть его халата с семенами горного нута. Ослы, наверно, как и козы любят нут, -подумал он. Не было ни Фараона, не площади, не Египта. Всё было занесено песком. Песок и осёл, осёл и песок. У осла к шее была привязана длинная верёвка, убежал значит: – подумал Джафар. Мимо прошуршала ящерица. Хотелось пить. Джафар пошевелился, он так же был привязан к столбу, только столб лежал на земле, и верёвки казались ослабленными. Видно с узлами осёл поработал, -усмехнулся Джафар. Двадцать раз, по десять дней, как он с хозяином выехал из Урука, и волей судьбы, в первый же день прибытия в Фивы, по приказанию жрецов, войны фараона схватили хозяина, а на него самого, сначала надели браслет раба, потом просто связали его на площади. Хозяину повезло меньше. Кто-то рядом застонал. Джафар поднял глаза, на бархане лежала девчонка, ее левая рука была неестественно вывернута, девчонка опять застонала. Джафар попробовал освободиться, вскорости распутал одну руку, потом другую. Тело ещё болело от побоев, но с каждым снятым узлом, всё больше и больше слушалось хозяина. Осталось только два законных браслета, на шее и на ноге, которых без кузнеца не снять. Он попытался сесть, девчонка раньше села, вскочила и упала, застонав от боли. Всё-таки повредила руку, – подумал шумериец, он подошел к ней и прощупал кости, вроде просто вывих. Он резко вправил руку. Девчонка опять потеряла сознание. Джафар зафиксировал руку пострадавшей, привязав её к туловищу. И только закончив с лечением египтянки, он решил осмотреться. Он её узнал, этого ребёнка, крутившегося около его ног. Он просил воды, но никто его не понимал...Он опять захотел пить. Но вокруг была полупустыня и земля, казалась серой, не похожей на землю верхнего Египта. Может боги занесли нас на Аравию? Египтянка очнулась, что-то сказала на своём красивом языке, но Шумерец не понял её. Надо идти к людям, – подумал Джафар, – надо идти за ослом, он приведёт нас к воде и еде. Осёл медленно переходил от одного кустика зеленеющего над поверхностью глинозёмного песка, к другому, за ним волочилась длинная верёвка, а за ней, шатаясь, шел шестнадцати-семнадцати летний подросток, похожий на араба и девочка, лет десяти, похожая на куклу Барби, выпущенную по спецзаказу для Южноафриканской республики. У девчонки болталась рука на привязи. После двух часов хождения Джафар понял, что осёл водит их по кругу, Анника устала и в изнеможении, опустилась на ближайший пригорок. Солнце, всё быстрее и быстрее стало клониться к горизонту, уступая место вечерней прохладе. Вдруг где-то далеко раздался ослиный крик, и наш провожатый, подхватив его своим ревом, припустился бежать, волоча за собой верёвку. Солнце уже почти село, и дети увидели свет. Они вышли на свет нашего посёлка, но заходить побоялись, развели костер и съели нашу собаку. Их утром нашел проводник Ильяс, он же и приволок их в лагерь. Один из практикантов-северянин, говорил, что Ильяс шибко за собаку ругался, но детей не бил, зря

это наша медсестра, на него наехала. Когда осматривала, говорит на паренёнке живого места нет, а у девочки рука, с сильным вывихом. И одежды на них никакой, пришлось за счёт экспедиции покупать. Осел пропал, как призрак, он нам встретился на дороге переселения душ, Анника увидела огонь, и мы пошли на огонь, он висел на столбах, как луна над Нилом, освещая странные жилища, похожие на шутовские шалаши, вокруг воняло слугами Осириса, которые жили в этих шалашах. Запах влаги привел меня к воде, даже здесь, на краю бездны, текут реки! Нет, это не было рекой, скорее маленький ручей, но так хотелось пить... Мы с Аникой не могли напиться. А потом на нас напал воин Осириса, переодетый собакой, и захотел отнять нашу воду, вместе с нашими душами. Мы с Аникой дали бой, Анника сказала, что Гор помог нам, и мы победили. Теперь нужно съесть сырыми печень и сердце война собаки. Но мы были такими голодными, что пришлось развести костер. Я думал, что саксаул и колючие кустарники не горят в преисподней, но около ручья мы нашли много непонятных, абсолютно ровных тонких дровишек. Мы зажарили и съели война, оставив шкуру, как жертву богу Гору. Утром наши души поймал слуга Осириса и потащил в жилище бледных дивов, из которых боги выпили кровь. Им даже одежду приходится носить белую, с красным крестом Сета, чтобы знать, чья это добыча. Один див, раньше, наверное, был женщиной, смотрел на нас, только как он мог смотреть, если его глаза были закрыты волшебством с блестящими стёклами, уаждет скрывающий взгляд, может его гипноз помогал видеть мой мозг? Потом я понял, что мы не готовы, и нас надо помыть и одеть, перед тем, как Осирис съест наши тела. Останется только побороться за души: он мог оставить их себе, мог подарить Гору, а мог отдать их Атону.

Я даже близко не мог предположить, откуда взялись эти дети, но те 12 языков, которыми владели сотрудники нашей археологической экспедиции, абсолютно не сблизили нас. Явно было, что они из какой-то театральной труппы. На них была характерная одежда, похожая на реквизит, у мальчика, я понял, что его зовут Джафар, два медных браслета, с обозначением египетского бога Пта, потёсанные, но целые сандалии на обеих детях, подходили видимо для какого-то спектакля, но чтоб передать их в соответствующие органы, придётся обуть их в кроссовки. Самое интересное, что их никто не искал. Я на мобильник сделал их фотографии, как кто в город соберётся, надо в интернет вкинуть, может кто откликнется. Но пока мы находимся далеко от цивилизации, до пустыни Тар всего два шага, до Инда 60 километров, до ближайшего жилья-300. Дорог нет, транспорта в ближайшие три месяца не предвидится, вертушку обещали в конце сентября. Хорошо хоть запасом не обижены, да повар настоящий, из индусов. Готовит прекрасно, но к нему на кухню, лучше даже не заглядывать.

Мы с Аникой быстрее научились понимать друг друга, чем этих бледнолицых див. Но нам теперь служить Осирису, значит надо учить их язык, иначе бог может разгневаться и сбросит душу в огонь. Анника мне пыталась объяснить, что если у Осириса хорошее настроение, то он может отпустить домой. Мне что-то домой к ней не хотелось, не очень радушно Фивы нас приняли, учитель уже давно вытирает подошвы Осирису, а мы застряли на пороге. Нас моют каждый день, дают пенный камень, эффект от него такой же, как от египетской пенной травы с мелом, только запах приятнее. Но видимо бог брезгует нами, или мы для него недостаточно чисты? И что только не делали с нами белые люди: заставляли нас чистить зубы, Анике красили ногти на руках и ногах, разными цветами, стригли наши волосы, смачивая пахучей водой; Осирис не желал принимать нас. Старший из старших, кому бог пожелал оставить бороду, позвал нас к себе, две женщины раздели поодиночке нас и провели ритуал, несколько раз обкрутив плоской верёвкой, похожей на змею, вокруг туловища, на верёвке были палочки. Через два дня по десять, пришёл верблюд, с двумя собаками и слугой Осириса. Верблюд принёс то, что бледнолицые называли одеждой, нас заставляли одеть наряд, а мы с Аникой не знали, как. Когда мы надели это на себя, белые люди смеялись. Потом они помогли одеться и мне и Анике, мы стали теперь похожи на всех. Было очень неудобно в новой одежде, но так положено, так было угодно богу; но ночью, когда все спали, и когда бог пьянствовал в окружении своих близких, в

огромных подземных пещерах, я раздевался наголо и бегал вокруг лагеря, пока тело не отдохнёт от этих мучительных одежд. Я долго привыкал к трущимся об тело, рубашкам, брюкам, так я начал знакомиться с языком белых. Смеялся над Аникой, у неё было несколько видов одежды, её даже заставляли одевать «Джинс», ей сделали короткую стрижку, и она очень походила на мальчика. Если бы она появилась бы в таком виде в Фивах, её бы собственные родители, привязали бы к столбу позора. Чего только не вытерпишь, ради прихоти богов! Аника быстрее осваивалась в таборе, с лёгкостью давался ей грубый, не мелодичный язык слуг Осириса. Через два месяца в её лексиконе было больше местных слов, чем слов древнейшей из наций, и она худо-бедно могла изъясняться с белыми, узнавать их последние новости, помогать им в работе. Десятилетней девочке, даже здесь, на границе жизни и смерти, было интересно; её любознательность не имела границ. Я вместе с ней несколько раз бегал в место, где бог наказал бледнолицых работой, и они веничками и щеточками выметали старый фундамент конюшни, только не понял, что он их заставил искать, но видимо для Осириса это было очень важно, что даже найдя остаток изношенной медной подковы, лагерь гудел как улей, целых два дня. Ночью чудовища напали на лагерь, мы с Аникой успели убежать. Даже не знаю на что похоже, ужасные вонючие чудовища, как огромные жуки, вместо глаз два факела, непрестанно рыча, подгребая под себя песок, как прожорливые гусеницы Исиды, вереницей вползли в лагерь бледнолицых. Мне казалось, что я издалека слышал, как хрустят их рты, доедающие палатки и самых их жителей. Два дня я молился богам, и шумерским, и египетским, чтобы эти чудища не нашли нас и уползли, мне не хотелось быть съеденным этим исчадьем преисподней. На третий день Аника сбежала с пещеры, где мы прятались и прибежала только после обеда, неся воду и еду. Я молча ел, а она рассказывала, что вовсе это не чудовища, а машины-такие механизмы, придуманные людьми, и управляют ими люди. Я и верил, и не верил одновременно, но когда она притащила мою одежду, я полностью поверил Анике. Потом я долго ходил вокруг этих чудовищ-машин, мне казалось, что они просто спят, не мог долго понять, как они ползают. Один водитель, араб, пытался мне объяснить, но я его не понимал абсолютно, тогда он залез в чудовище, вскрыв ему голову, и машина зарычала и поехала, правда я этого уже не видел, забившись в дальний угол пещеры. Аника, утром нашла меня, позвала на завтрак. Пока я ел, она постирала мою новую одежду, все время возмущаясь, что если я и дальше буду так себя вести, то не только Осирис не примет нас, а и белые люди нагонят, и нам придётся искать свой дом. По ночам я смотрел на звездное небо, находя знакомые мне созвездия; учитель говорил, что нет ничего постоянной неба, и что если ты хочешь успокоиться, посмотри на небо, посчитай звёзды, может быть, когда ни будь, тебе удастся увидеть комету. Каждую ночь, по несколько раз, комета пролетала над землёй, я загадывал желание, но оно не сбывалось. И я опять просыпался в этом дивном лагере. Я показал бородатому комету, как что-то заветное, поделился секретом, а он сказал, что это спутник, такой как эта... и пнул ногой машину. Каждый день я делал для себя открытия, они зачастую пугали меня. Среди вновь прибывших, было три мужчины и женщина, которые, как индийские факиры глотали дым, они глотали его каждый час, спрятавшись от посторонних. Тогда я понял, откуда прибыли эти машины и кого они с собой привезли. Губителен свежий воздух для исчадия бездны, и надевших шкуры людей, можно узнать только по тяге к дыму, огню. У них даже лица отличаются, серые с прозеленью. Я караулил их по ночам, чтоб они не съели Анику. Анику есть никто не хотел. Она моталась по лагерю, вдоль его границ, на раскопках, по заданию повара-индуса, собирала травы и проверяла силки на кекликов. Аника попевала повсюду. Машина собиралась в город, она и здесь успела, напросилась на поездку вместе с белолицыми женщинами. Я же, так и не смог побороть свой внутренний страх, перед чудовищами, которые бегали быстрее джейрана, и прыгали дальше, чем ягуар. Мне было стыдно, десятилетняя девчонка смеялась над моими страхами, называла ночным скорпионом, который боится даже своего отражения, от освещенного луной камня. Но я много не мог понять, и обращался за разъяснениями к бородатому. Он, любимец

богов, единственный имеющий власть, терпеливо разъяснял мои заблуждения. Он испытывал мою веру в богов, говорил, что нет Гора, Атона, Исиды, Иштар, Уту, Энмеш, а есть Наука, и всё что создано человеком, это благодаря его знаниям и умениям. Может оно и так, но не было бы Науки, если бы не было богов. Машина из Биканера приехала через три дня. Женщины, накупившие подарков в городских магазинах, потешались над Аникой, рассказывали, что она, как хвостик, бегала за ними, боялась потеряться. Смеялись, когда она выплюнула мороженное, так больше и не притронувшись к лакомству, ходила по городу с раскрытым ртом, собирая всех городских ворон. А как её напугал эскалатор в магазине, впервые она, чуть не лёжа проехала, а потом, пока все не скупилась в магазине, она всё каталась и каталась...но больше всего всех позабавил случай с садящимся самолётом. Она упала, вцепилась в асфальт, закрыла глаза... еле, еле успокоили, Аника, пол дороги назад, дрожала, как осиновый лист. Когда её бородатый спросил, что ей больше всего понравилось в городе, она ответила-лимонад, а самым удивительным назвала поезд и железную дорогу. Хорошо, что я не поехал, мне не нравилось, когда женщины смеются. Аника потом мне рассказала страшные вещи про этот город, про холодную пищу мертвецов, про драконов, выискивающих свои жертвы, пролетая над домами, про длинную металлическую змею, ползающую по железной дороге, после того, как брюхо набилась людьми. Когда в следующий раз машина везла рабочих, я думал, что Аника спрячется, чтобы не выглядеть напуганной и смешной, но она опять напросилась в Биканер. Она была ужасно отчаянная, эта Аника. А я опять не поехал, я ждал, когда бородатый поедет, но он тоже наверно боялся города. Ведь только мы вдвоём знали, что всё, что творится в городе, это по велению Гора. Учитель, оставшийся в Фивах, привил уважение к египетской мифологии, хотя сам пал от рук палача, как шумерский еретик. Я больше доверял богам, чем тому, что видели мои глаза.

Глава 2.

Мальчик прибежал ко мне, когда я уже заканчивал отчёт о раскопках. Города мы так и не нашли, и то, что обнаружилось в фото-аэросъёмке, было всего лишь глыбой камней, а не продолжением фундамента больших строений. Ещё один сезон коту под хвост, мне уже 42, более десяти лет в кандидатах, но Генриха Шлимана из меня, увы, не получилось. Мальчик покрутился, и задал вопрос, такой, как тысяча остальных его глупых вопросов, а что я целое лето ищу в разваленной конюшне. Действительно, целое лето, по граммам сметали пыль с фундамента не понять, чего, а может быть парнишка и прав, из всех находок, только полустёртая подкова и заслуживает внимания. Но конюшня, это уж слишком... Не дай бог эту версию в Москву. Все иностранные издания месяц бы мурыжили эту тему. Я только представил... мне уже не по себе. Чтобы как-то отвлечь малого, и успокоить самого себя, я ему стал рассказывать про город, что когда-то не было пустыни Тар, и был цветущий рай на земле, но вырубкой лесов, неправильной ирригационной политикой, непомерной жадностью правителей и кровопролитными войнами, превратили эти места в то, что есть. Я ищу этот город, во всех древних сказаниях он есть, но где? Джафар, как всегда внимательно слушал, но только я закончил говорить, он встрепенулся: -Не там ищешь! Я устал, отчёт не сходил по бухгалтерии, он забрал последние мои силы. Чтобы как-то отвязаться от малого, я бросил ему недовольно: -Не там, говоришь, найди мне, где там. Найди мне этот город. Джафар убежал. Я отметил для себя, что паренёк, ещё два месяца назад, не умевший связать пару слов, с лёгкостью освоил русскую разговорную речь, и уже не казался таким диким, как поначалу. Вахта рабочих затягивалась, через неделю пришла машина, с ней приехала Аника и медсестра из России. Целую неделю медсестра пасла девчонку по городу, водила по музеям, съездили, по её просьбе, в аэропорт, ей даже удалось погладить обшивку самолёта, и одна из стюардесс завела малую в салон, и угостила бананом. На сегодняшний день впечатлений было через край, съездили на верблюжью ферму, потом в аквапарк. Дети быстро привыкают к хорошему, Аника увидела, как другие дети едят морожен-

ное, тоже попросила себе, а потом, когда распробовала... жалела, что до лагеря, для Джафара не довести. За неделю весь город освоили, малая уже сама моталась по всему городу, бегала встречать поезд. Ей нравился сам момент его прибытия, когда пассажиры выходили на перрон. Вроде ничем её нельзя было удивить, но когда она увидела на вокзале телевизор?! Опять случился шок. Так её и привезли, с открытым ртом.

Я спешил поделиться с Аникой своими наблюдениями, что я знаю, чего хочет Осирис, он хочет, чтоб мы нашли город. Тогда он вдохнёт в людей жизнь и пустыня Тар снова станет цветущим раем. Но Акер спрятал этот город под слоем камней и песка, и мне Аника нужна для поисков этого города. Мне так хотелось быть полезным для бородатого, он так много сделал добра для нас. Но Аника меня не слышала, она сидела с открытым ртом и смотрела мимо меня. И так, она сидела три дня, забывая про еду и сон. На четвертый день очнулась и прибежала ко мне в пещеру, потом я целый день, от неё, слушал про город, аквапарки, мороженное, про чудовища-самолёты, про змею, изрыгающую людей. Она говорила, что побывала в сказке, и я ей верил. В жизни такого не должно было быть, я только одного просил, не рассказывать об этом больше никому, а то столбом позора здесь не отделаешься. Она мне всё объяснила, всё растолковала, не смогла объяснить, что такое телевизор, у неё не хватало слов, переходила на египетский, но получалась такая чушь, что даже во всей египетской мифологии такого демона не найдешь. -Не веришь, как хочешь! Съезди, сам посмотри! -дразнила она меня. Я ей дал слово, что только появлюсь в Биканере, первым делом на железнодорожный вокзал наведаюсь. Только после этого всего, Аника меня выслушала, и про планы мои. Обещала помочь. Мы дети пустынь и оазисов, не были привередливы к еде, взяли у повара немного сухого мяса, набрали в ручье, под воздушным колесом, побольше воды в пластиковые бутылки и отправились на поиск города. Костер, меня ещё учитель научил разводить в пустыне, он меня учил, как не остаться голодным, и по каким приметам искать и находить воду. Сначала мы шли без цели, Аника гоняла встречающуюся саранчу. Поджаренная саранча, у египтян, считалась вкуснее семечек. Потом я вспомнил, как строился наш город -Урук, богатые конюшни находились внутри города, здесь же были и дома с комнатами для приезжих, их сараи всегда были полны, лучшим овсом и сеном для лошадей. В этих домах готовили пищу для путников, а по утрам, молодые рабыни, отдраивали песком жирные бронзовые казаны. Но в этих конюшнях оставляли лошадей и верблюдов богатые купцы, приехавшие в город. Только много путников, шли минуя город, и было то место, где местные контрабандисты и воры старались продать или обменять свою добычу, где спешащий по службе воин, мог получить горячую пищу, это место кишело проститутками и бездомными воришками. Оно не имело постоянного названия, время от времени разрушалось солдатами по капризу, того или иного правителя, но отстраивалось заново ещё крепче, чем было. И всегда, первой, восстанавливали конюшню. Что-то подобное и раскапывал бледнолицый, имеющий бороду. Эти конюшни стояли в отдалении от города, на пересечении дорог. Мы с Аникой отсчитали тридцать, по десять шагов от развалин археологических раскопок, и решили ходить по кругу, расширяя на каждые 50 шагов, свои поиски, осматривая песок, камни и все, что хоть мало-мальски связано с человеком. Первый день нам ничего не дал, мы далеко ушли от лагеря, и решили заночевать в пустыне. В этих местах не было крупных хищников, грозящих человеку, а от мелких мы всегда носили с собой шерстяную нитку, обкапывали место стоянки и засыпали золой костра, перед сном. Натянутая нить уберегала нас от змей, а в ямку с золой попадали самые глупые скорпионы, остальные же убежали при виде золы. Ночи в пустыне холодные, звездные и в безветренную погоду кажется, что звёзды не стоят, а плавают по небу, как корабли, без парусов. Мне нравились ночи, песни цикад, шуршанье песка. Учитель рассказывал про песчаные бури, которые могут разбудить поющие пески. Поющие пески губили караваны, люди и животные уходили в пустыню и не возвращались, и только через много лет, появлялись над песком их белеющие черепа и кости, отшлифованные ветром и песком. Много тайн и историй скрывают в себе пустыни. Я проснулся утром, а

Аники нет, я позвал, никто не ответил. Аника любила пошутить, спрятаться, и сидела тихо, как мышка. Через час я понял, что девчонка пропала, вода и еда была на месте, я подумал, что ей надоело бесцельное блуждание со мной, и Аника вернулась в лагерь. Автоматически я пошел по её свежим шагам. Конечно, не удобно было нести всю поклажу одному, да и скучно было без Аники. Шаги вели за бархан, и там кончались... я наступил на её последний след, сделал шаг и провалился, мое тело скользило по какому-то длинному туннелю, переворачиваясь, делая хитрые петли, и наконец меня выбросило на берег какого-то подземного моря. Море светилось лунным изумрудным светом, волны, как и на поверхности, легонько гнали свои белые барашки. Воздух, на удивление, был свеж, только не было ветра. Я опустил на прибрежный камень. Камень вздрогнул и ожил –А, не могли бы вы пересесть на какой ни будь другой камень? - попросила меня эта глыба, и тут же обернувшись черепахой, недовольно поползла к воде, нырнула и уплыла в море. Я стоял, раскрыв рот. –Померещилось, -подумал я, видимо, падение с такой высоты, не прошло даром. Я ощупал себя, ничего не болело. Я, впервые, не знал, что делать. Там на земле, начинался день, здесь, под землёй, наверно была ночь, а может здесь всегда была ночь? Мимо что-то пробежало, прошуршало, мне показалось, что со мной поздоровались. Потом обругали, что я не воспитанный. Я только услышал убегающие чьи-то ноги, не оставляющие следов, и характерное хрюканье ёжика. Я сидел долго, море на шелестело мне сон, и я заснул, мне снилась Аника, город, ветер, трепещущий палатки... Проснулся я неожиданно и увидел двух спорящих девчонок, было светло, даже для подземелья, очень светло, свет не слепил, не отражался, переливаясь тенями, он был везде. Девчонки спорили, кто первым нашёл, и кто получит серебряную блёстку, на меня не обращая никакого внимания. Вдалеке я увидел какие-то строения, что-то похожее на город. –А, где твой охранник? -спросила одна из девочек, и выставила что-то, похожее на короткую палку. Я недоумённо пожал плечами: -Вы первые, кого я встретил в этом странном месте. Девочка явно обрадовалась, опять помянула какую-то блёстку и ударила меня палкой. Я застыл на месте, как парализованный электрическим угрём. Я не мог двинуть ни рукой, не ногой, единственно мог говорить. Я был возмущён, девчонки были даже меньше Аники, я не понял за что меня ударили, но чем больше возмущения я проявлял, тем больше веселились обе девочки, осмелев, они принялись меня щипать и пинать, им нравилось злить меня, но я не чувствовал боли. Потом одна из девочек подбежала к камню, и сказала, что поймала Чужинца, и вызвала охрану, не забыв напомнить им за блёстку. Через некоторое время пришла охрана, три толстых парня, чуть старше меня, заставили девчонку расколдовать меня, та потребовала блёстку, и не отключила булу (так называлось оружие, применимое девочкой. Каждая була имеет свой код, код хозяина.), пока не получила блёстку. Охранники повели меня к городу. Сегодня был праздник Великой Гусеницы, и меня привели в тюрьму. Разбираться со мной было некому, меня обыскали, оставили все: и нож, и спички, и воду, видимо это не представляло ценности, проверили каждый шов, и разочарованно бросили в камеру. В камере уже было трое задержанных, я был четвёртым. Наверху на нарах лежал Дорт, это был ночной вор и завсегдатай тюрьмы. Воров в городе было всего двое, дневной и ночной, так Дорта и садили всякий раз, если что пропадало ночью, даже тогда, когда у него ничего не находили. Под ним сидел Астроном, его сюда за драку вкинули, лишь потом булу отключили. Астроном день и ночь пропадал в пивной, и за рог пива или эля, мог часами рассказывать про звёзды, которые никогда, и никто не видел. Ему на рот надели какой-то хомут, как лошади, с замком на голове, он ничего не говорил, только мычал. Третьим был Свистулька, никто не знает, где он потерял свои зубы, но если в слове были буквы «С», или «Ш», он произносил это слово, с характерным свистом. Он, якобы сидел ни за что, за кампанию, почему бы с хорошими людьми не посидеть? Я рассказал, как попал в тюрьму, сказал, что девочки называли меня Чужинцем, и что охрана им дала серебряную блёстку. Дорт рассмеялся: -Плохо твоё дело, могут продать в рабство, пока не заслужишь себе имя. Я возмутился, у меня же есть имя, меня ещё отец с матерью Джафаром называли. Свистулька испугано посмотрел на

двери: -Никогда так никому не говори, имя у человека должно быть одно, и записано оно в священных летописях, на острове Великой Гусеницы. И если кто-то заявит, что ты своровал или присвоил его имя, то тебя Верховный Судья может приговорить к смерти, и тебя бросят в яму, с вечно голодными гусеницами, тебя они заматают в кокон, а съест тебя новое поколение вечно голодных. Праздник длился три дня. За это время мы успели хорошо ознакомиться, помочь охране снять хомут с Астронома, но через пол часа Дорт пообещал опять надеть на него хомут, если тот не заткнётся. Астроному видно надоело воевать, и он был рад, что освободился от произвола властей, моментом успокоился. Кормили два раза в сутки, хорошо кормили. Мне очень понравился компот. На третий день нас отвели в Верховный Суд. Дорта приговорили к 20 дням тюрьмы, до нахождения пропажи, Астронома обязали целую неделю мыть улицы, Свистульку держали долго, приговорили к полгода тюрьмы, за кампанию. -Что ты от политического хочешь? Если он даже слово Великая Гусеница выговаривает так, что пол страны смеётся, -Астроном выбирал себе веник полегче и потоньше. Меня решили на два месяца продать в рабство на невольничьей бирже, до приобретения имени. Я жил, тут же, в тюрьме на постоялом дворе, вместе с Астрономом, с поварихой и её детьми, и с отставным солдатом, который помогал по хозяйству, и разносил еду приговоренным. Каждый день я сам ходил на биржу, как на работу, но меня никто не покупал. Для государства одни только убытки. На пятый день меня позвал какой-то монах, дал две серебряные блёстки, сказал отнести казначею тюрьмы, нагрузил меня купленным товаром, который я оттащил на корабль. Через день, я был на острове Великой Гусеницы, где моим делом было наполнение обще островной питьевой чаши. Целый день я таскал воду из единственного колодца в чашу, стоящую на самой вершине храма Великой Гусеницы, откуда она растекалась по всем водопотребителям. По вечерам, мне помогало двое служащих. Детвора прислужников старалась подбросить мелких мокрых камней, со следами морской травы на тропу, и если я падал, то долго смеялась надо мной, им было скучно, а издевательство над водоносом, тоже было игрой. Итак, изо дня в день, моя одежда и обувь стала приходить в негодность, тапочки износились, и я жалел, что не взял из лагеря кроссовки, к которым я так и не привык. Хорошо было Анике, на неё что не одень, всё ей к лицу, даже на поиски города в кроссовках и в Джинсе пошла. Кого только я не спрашивал, никто девочки не видел, тем более, в таком экзотическом наряде. Монах принес мне новые сандалии, сказал, что я должен ему пол серебряной блёстки, или две медных бляшки. За месяц работы я приловчился, что даже мог отдохнуть часок, до прихода служащих. Детвора от меня отлипла, нашла развлечение на берегу, растаскивая палками прибившихся медуз по берегу так, чтобы ночью получилось ругательное слово из светящихся медуз. Но я, к сожалению, не знал, кому я обязан знанию местного подземного языка, мне казалось, что слова сами рождаются в моей голове. Я понимал даже язык животных, а местные говорят, что я не только имя свое потерял, но и часть разума, разве могут животные говорить, видно сильно кто-то булом приложился. И всё по-ихнему я делал неправильно и не так. Меня послали вечером на фабрику за мясом, там были чаны, там были люди, но мяса там не было. Пока не пришёл служащий, и не набрал в корзины, белых и черных кубиков. Я тащил эти кубики и рассказывал ему, откуда берётся и как получается мясо, он был неразговорчивым, только улыбался, но когда пришли на кухню, он предложил продолжить моё повествование перед поварами. Повара больше часа моих фантазий не выдержали, хотя я им рассказывал, как приготовить мясо косули на костре, они закидали меня чашками, ложками и кастрюлями с таким остервенелым хохотом, и сказали, чтоб больше на кухне не появлялся. Жалко, что такие имена, как Хохмач, Дурак, Мясник уже были в священной летописи. Мне доверяли только воду, хотя роль шутника и выдумщика уже приклеилась. Дети бегали вдоль скал, играли в догонялки, и вдруг одна из девочек, промахнулась и не удержалась на скале, упала в море. Я уже знал, что местные не умели плавать, бросил водные мешки, разогнался и прыгнул со скалы, спасибо черепахе, она передала мне девочку, потерявшую сознание от страха. Мне осталось только вынести её на берег и привести её в

чувство. Из храма бежали к берегу все взрослые. У меня появилось имя – «Спасатель», его занесли в священную летопись, и я мог себя считать свободным. Целых пять камней мне дали родственники за спасённую девочку, на один камень можно год прожить на острове, ничего не делая. Монах, у которого я жил, рассказал немного о религии, о государственном устройстве подземной страны, об истории, об обрядах. Но я, уставший от тяжёлой изнурительной работы, засыпал при первых словах монаха, а остальное мне только снилось. На следующий день привезли нового водоноса, им оказался Свистулька, он поздравил меня с приобретением имени, сказал, что ему пообещали срок наполовину сократить. Монах отсчитал мне шесть серебряных блёсток за работу, с вычетом трех блёсток за еду и новые сандалии. Я поторговался с ним, и за одну серебряную блёстку, он пообещал мне новую одежду, согласно статуса. Все, кто был ниже меня статусом, должны делать один поклон в мою сторону, и всё это благодаря пяти камням, моего богатства. Монах предупредил, что если я увижу кого в золотых шпорах, то должен отбить три поклона, а если мне, когда посчастливиться увидеть человека, за которым будет тянуться целая накидка из камней, то тут же должен преклонить перед ним колени и снять шляпу. Шляпа и была моим статусом, носящий шляпу имел право посещать все три страны подземного царства, а приписан я был на острове Святой Гусеницы, по месту регистрации моего имени.

Бедный Свистулька, мне его было жаль; он был уже не молод, и к 12 часам, шел шатаясь к чаше, проливая воду из кожаных мешков. Ровно в 12 наш корабль отправлялся в Белое царство, я помахал Свистульке своей шляпой, он был единственный, кто невольно провожал нас. Остров всё дальше и дальше уплывал в море, вскоре от него осталось только туманное пятно. На следующее утро меня встретил уже знакомый порт, по нему степенно прогуливались две знакомые девчонки-хамки и драчуны, что побили меня булом в первый день. Я надел поглубже на голову шляпу и демонстративно прошел мимо них, не ответив на их кивок. Мне понравилось. Я, как бывший водовоз, ходил быстро, туда-сюда, возле моих мучительниц, они только успевали кивать. Меня окликнул Астроном: -Я тебя уже второй день жду. Меня удивляло, как здесь быстро распространяются слухи, не успел получить имя, как вся страна знала -где, как, кто и когда. Астроном ойкнул, а потом, с опозданием, сделал один поклон в мою сторону, с опаской поглядывая на меня, чтобы я не позвал стражника. -Я даже не думал, что ты так быстро до шляпы дорастёшь! Ты за девчонку спрашивал, сегодня ходим в одно место. Это был склад, сюда все приносили корешки, их сортировали и распределяли по лабораториям. На склад приехала большая партия работников со страны Эха, маленького пещерного лабиринта Зелёного Инда, который уходит так далеко в глубь земли, что нужно несколько дней бежать, как лошадь, при этом иметь шкуру крокодила и обладать нюхом змеи. Большая часть этой земли находилась под водой и кишела полчищами крыс. -Ты только шляпу спрячь, -попросил Астроном, -а то, девочки боятся. Мы уже два часа опрашивали девчонок, но никто ничего не видел, может в середине страны Эха, они были из рабочих окраин и редко вырывались в центр. -А, почему у вас название такое интересное-страна Эха, у вас что, там эхо живёт? -спросил я у перебиральщиц корней. -Не знаю, давно так, а эхо как везде, в любой пещере оно живет. Просто старые назвали так. Вот у вас страна Белая, почему? -Ну наверно потому, что свет белый, -ответил я на вопрос жительницы Эха. -А, у нас свет, скорее зеленоватый, но страна не Зелёная, а ещё есть у нас белые-белые пещеры, там прячутся летучие мыши, с которыми наше правительство ведёт многовековую войну. И только на время сбора урожая, с мышинным королём, заключено перемирие. Девочка понесла связанные корни к штабелю возле стены. Я поинтересовался у Астронома дальнейшей технологией этого корневого сбора. Но он тоже мало чего знал, всё что, не относилось к звездам-было не его. Он буркнул, что куда то к химикам в лаборатории, а ещё он знал, что в конечном итоге из корней, и получается мясо, одежда, обувь, даже для выплавки лёгких металлов применяют корни. С жильём, проблем в Белой стране не было, за две серебряные блёстки ты мог снять шикарные апартаменты, а за

три медных бляшки-комнату, но с туалетом и душем. Я пока расположился у Астронома, ибо не знал, что мне готовит день грядущий, и где я буду завтра. По окраинам города я старался ходить без шляпы, последнее время даже оставлял её дома, но в центр города я предпочитал выходить при всех регалиях.

Глава 3.

Я не стал будить Астронома, он был немного совой, и спал почти до обеда; утром встал пораньше и пошел знакомиться с городом. Город был небольшой, тысяч на 40 жителей, радиального типа. Все дороги ведут к центру, к площади, на которой расположен фонтан, чуть дальше храм, старое кладбище, тюрьма, полицейский участок; чуть ближе, то ли биржа, то ли почта, то ли телефонная компания, а может всё вместе, парикмахерская, кафе или ресторан и памятник. Кому памятник-никто не знает, и что на нём написано никто прочитывать не может. К площади ведут четыре дороги, вдоль которых расположены магазины. Одна из дорог ведёт к порту, я по ней уже ходил, возле порта находится таможня и северные ворота входа в город. Ворота охраняемые, вместо оружия у охраны только булы. За воротами, ряд складских помещений, наверное, имеющие отношение к порту, за складами начинались магазины, в них продавалось всё, что относилось к морю. За всё время нахождения в Белом царстве я не видел ни одной птицы, но в этих морских магазинах мне встречался корм для попугаев, синиц, чаек, с красочными обозначениями птиц. Значит имела место контрабанда, и не просто контрабанда, а связь с поверхностью. Не такой уж и закрытый этот мир. Средняя дорога, это южная дорога, она упирается в площадь, почти рядом с тюрьмой, она ведёт к рабочим районам, к складам, фабрикам, лабораториям. По ней меня Астроном тоже водил, к складу сортировщиц продукции корнекопателей. И магазины вдоль дороги соответствующие, и опять, очень много контрабандных артефактов. Ну зачем, скажите мне, лежит в продаже деревянное колесо от телеги, если лошадей здесь и в помине нет, наверно никогда и не было.

—Фуф, наконец тебя нашёл, ты почему к камню не подходишь, я тебя звал, — запыхавшись ко мне подбежал Астроном. Я пожал плечами: —К какому камню? Я не слышал. Ладно, промчались мимо, сейчас некогда, потом объясню, ты по имени кто? Спасатель, тебя все ищут. На Колокольной улице пожар, надо спасать. —Кого спасать? —спросил я.—Не знаю, надо спасать. Мы побежали к Колокольной улице, я впервые увидел автомобиль с бочкой, он подобрал нас. За рулём был горожанин, очень похожий на Бобра, оказывается и имя у него было Бобёр. Мы быстро доехали, горел дом одного из пожарников, один из свидетелей говорил, что это был поджог, он сам видел, что пожарник подпалил свой дом. Огонь подбирался уже к крыше, на крыше спокойно сидела жена пожарника с фикусом в руках, и ждала, когда её спасут. Я развил кучу деятельности, организовал работу насоса, чтобы хоть немного притушить пожар, праздных зевак заставил выносить вещи, сам же, снял разборную лестницу с машины, с помощью жандарма приставил её к крыше, и полез спасать. Мне достался один фикус. Меня так и сфотографировали с этим растением. Жена пожарника, видимо не дождавшись спасателя, спустилась по каменным ступенькам, с обратной стороны дома, идущих до самой крыши. Пожарная тревога была учебной, в городе не было ни одного деревянного здания, поэтому пожарники разлили и подожгли спирт. Муниципалитет рассчитывал на самоорганизацию жителей, и он не прогадал. Уже к вечеру, во всех газетах Белой страны, были помещены мои героические фотографии с фикусом. Городская власть, ради такого случая, не пожалела целого сапфира, которым меня наградили за активное участие в пожаре. Редакции газет прислали несколько блёсток, в качестве частичного гонорара. Целый вечер я был знаменитостью, меня даже стали узнавать на улицах. Я чувствовал себя не в своей тарелке, мне было стыдно, я всё высказал Астроному, и за пожар, и за фикус, и за газеты. Это что получается, если на все царства, один человек, по имени «Спасатель», тогда во всех неординарных случаях, никто из людей и спа-

сать никого не будет, будут все ждать этого героя. Я только представил некролог: -Вот бы был Спасатель, он бы спас. Мне не по себе стало. Астроном молча выслушал, сказал, что это он сам придумал: -А, что, неплохо получилось, даже сапфир есть. А что пожар не правдишный, он не знал, и про призывы и печать никто не говорил. Но в крайнем случае, на хороший ужин он в кафе рассчитывает. И мы с ним вечером пошли по третьей улице от площади. Астроном убедил меня не брать шляпу в кафе, в глаз дадут, а просто так, за то, что камней много. Кафе чем-то было похоже на наш гостевой двор, только вместо приезжих гостей, в него ходят жители города, чтобы потратить заработанные блёстки. Где ещё в городе можно вкусно поесть и заказать себе редкие тонизирующие спиртосодержащие напитки, как не в кафе на Цветочной улице! Только было скучно, в кафе было всё, но не было музыки. Мне нравилось в лагере, вечером всегда доносилась легкая музыка. Бородатый любил блюз. Я уже немного выпил, Астроном заказал Устриц, и я ему попытался рассказать насчет музыки. Через некоторое время, за нашим столиком, уже человек шесть слушали мои пьяные разглагольствования. Астроном толкал меня в бок, я не помню, ели ли мы устриц, но помню, как я ухитрился создать ансамбль из бутылочников, стаканчиков и ложечников, и первый кинулся в драку, когда, кто-то, вместо Ля-минор, сыграл До-мажор. Проснулся я в городской тюрьме, в окружении своих собутельников, с огромным синяком под глазом. Астронома с нами не было. Мы смотрели друг на друга интеллигентными глазами, как-будто впервые друг друга видели. Вид у нас был ещё тот, лучшая пантомима того, что вечер удался. Я подошел к горожанину с большим разбитым носом, похожему на арамея: -Спа-а-асатель, меня зовут Спасатель. Он представился Историком. Мы все опять перезнакомились. Среди нас оказался морской Пират, директор местного паноптикума -Рында, хозяин кафе- Бутерброд, и музыкант похоронной команды- Литавр. Он, наверное, и сфальшивил, под его глазом находился двойник моего синяка. Мы опять заговорили о музыке, разгорелся спор и не знаю, чем бы он закончился, но нас всех вызвали к Верховному Судье. Нас, уважаемых граждан города, очень долго стыдили, меня-за то, что хожу без шляпы, Пирата-за то, что в кафе пошёл без золотых шпор, но больше всех досталось Историк, за то, что дома забыл накидку из камней. Нас пожурили, но наказали условно. Больше всех возмущался Пират: -Могу ли я, как простой человек, отдохнуть от этих бесконечных поклонов. Хочется выпить, а выпить не с кем, одни кланяющиеся болванчики. Нашлась порядочная компания, и то в тюрьму забрали. Мы вышли на площадь, с одной целью, продолжить наше знакомство в приватном особняке Историка, но меня ждал Астроном с неоткладаемым известием, мне пришлось извиниться и покинуть столь интересное сообщество. Мне дали визитки, я впервые увидел эти картонные карточки личного пользования, где кроме имени, был ещё адрес. По пути, Астроном рассказал, что меня ожидает женщина, которая приехала издалека для встречи со мной. О цели своего визита она не говорит, с собой привезла клетку, накрытую чёрной материей. -Ты извини, но она больше похожа на колдунью, я её оставил ждать на улице, она там уже второй день сидит, -Астроном, как оправдывался передо мной. Колдунья не колдунья, но накормить женщину нужно было, да и дома, шаром покати, пришлось зайти в магазин. Женщина сидела на том же месте, где её оставил Астроном, я подошел и поздоровался с ней. Она меня спросила, а не тот ли я Спасатель, который Джафар шумерский из города Урук. Вопрос был задан на шумерском, на шумерском я и ответил, что я и есть Джафар, названный в подземном мире Спасателем. Женщина, говорящая по-шумерски с чудовищным акцентом, тут же перешла на привычный подземный: -Я рада, что нашла тебя, но только не я искала тебя, а она. Она по-шумерски попросила поговорить с существом, что находится в клетке, с глазу на глаз, чтоб никто не видел. Я отправил Астронома накормить Менею, так звали женщины как ему хотелось остаться, он был очень любопытен, но увы... я запер даже дверь, после их ухода. Я откинул накидку клетки, и ожидал увидеть что угодно, но то что мне пришлось увидеть, заставило снова вспомнить всю цепочку шумерских и египетских богов. Передо мной была крупная летучая мышь с лицом красавицы. Она медленно открывала свои прекрасные глаза, шурясь из-

под густых ресниц, привыкая к неяркому подземному свету. Летучая мышь поздоровалась пошумерски, акцент, всё— таки, выдавал, что это не её родной язык. Я просил перейти её на обще-подземный, но она ответила, что не знает его. Я её понял, она разговаривала языком зверей, тем самым, который встретил меня, в образе говорящего камня. Существо назвало своё имя— Шурим, сколько было радости, что не надо говорить по-шумерски. Честно, я так давно покинул Родину, что с затруднением вспоминал слова родного языка, меня интересовало, что привело прекраснейшую Шурим ко мне, и чем я могу ей помочь. Мы всё-таки остановились на языке зверей, иногда вставляя шумерские слова, более полно отражающие нашу речь, звериный язык был беден, но мы понимали друг друга, а это главное. Шурим назвалась хранительницей истории царства демиургов и посланницей самой царицы—Ширин, вешей из рода Силургов. Твоё пришествие Джафар из города Урук, было предсказано ещё 2000лет назад, и мне предстояло проверить, ознаменовалось ли пророчество. Мне позволено вступить с тобой в контакт и рассказать историю возникновения нашего народа, чтобы ты знал, что не только люди заинтересованы в твоём появлении. История страны демиургов уходит далеко-далеко, к первым богам, создавших эту землю, боги заключили договор с демиургами, отдав им землю для заселения. И демиурги взялись за работу, они создали океан, населили его живностью, и каждую травинку, каждый цветок, каждого зверя создали демиурги, когда на поверхности было всё закончено, демиурги ушли под землю, создавать неосознанное. В этот миг, кто-то создал человека, и он заселил всю землю, стал уничтожать труды демиургов, устраивать войны, искоренив древние народы, с уважением относящиеся к богам, а самих демиургов загнав в глубокие подземелья, остановив весь процесс созидания энергией великого Космоса. Люди создавали только разрушение, по природе очень коварные и злые, они не ладили между собой, и одни народы, загнали других, во владения демиургов, под землю. Мы проиграли в этом противостоянии хитрости и зла, и когда поняли, что нас просто используют и уничтожают, мы стали воевать за свою землю, за пищу, за детей. Мы несколько тысячелетий воюем с людьми, нас осталось очень мало. За это время мы выродились, деградировали, очень многие из нас превратились в животных, но мы нашли путь нашего возрождения; мы потеряли связь с Великим Космосом, но произошло очищение нашей нации, имеющей право на существование. Мне больших трудностей составило изучение Шумерского языка, я бы не смогла тебе передать позицию царицы Ширин, но согласно предсказанию, вы продолжите этот диалог при встрече с ней. И как хорошо, что ты знаешь язык зверей. Вспыхнул свет...и Шурим пропала. Через некоторое время прибежал Астроном, чертыхаясь и гремя посудой: -Я заказал целый стол, только Меняя ничего не ела, попросила пить, пока я ходил за напитком, она пропала...пришлось всю еду домой нести. И он стал выкладывать какие-то горшочки, баночки, скляночки из своей неизменной торбы. Еды у нас было на пару дней, я только жалел об одном, что не успел спросить хранительницу истории насчёт Аники. Чем-то я прикипел к этой египетской девочке, она у меня оставалась единственным живым существом, связывающим меня с прошлой жизнью.

Астроном целый день рассказывал мне о звёздах, о Белой стране, всё что знал, многое придумывал, многое и не надо было придумывать, оно придумывалось само. Я спросил его за птиц, он перешёл на шёпот, постоянно оглядываясь: -Птицы, это табу, это нельзя! Птицы—враги Священной Гусеницы, «всё что летает, должно быть уничтожено», процитировал он Священную книгу. Оказывается, ещё в давние времена, уничтожены были птицы, ангелы, демиурги, бабочки...-Погоди, мне когда— то Учитель рассказывал, что гусеницы произошли от бабочек,—Сказал я. Астроном побледнел, закрыл мне ладонью рот: -Учитель не мог такое сказать, в храме лежит железная нога Священной Гусеницы, каждый добросовестный прихожанин дважды в месяц целует ежели не мог ты встретиться с Учителем, он полгода назад уехал в страну «Ё».Я забыл совсем, что здесь может быть всего один Учитель, который уехал в страну «Ё», потому что он родился в этой свободолюбивой стране. Здесь, один раз в три года, делается паломничество в страну «Ё», каждым, кто, каким— то образом связан с этой страной. Я попро-

сил Астронома рассказать за две страны подземелья. Он обиделся, это у вас там подземелье, а у нас нормальный мир, и люди у нас нормальные, и не едят мясо пойманных обезьян, поджаренное на кострах. А про эти страны ты узнаешь потом, только лучше Белой страны ничего нет. Ему показалось, что мы засиделись в пыльной и душной комнате, и он меня вытянул на улицу. Я вспомнил о разговорных камнях. Он подвел меня к одному: камень, как камень, только раковина на самой верхушке, как у моллюска. Оказывается, они живые, и питаются земной энергией, в нашей стране есть специальная служба, которая выращивает эти камни. Говорят, что есть даже такие камни, к которым и подходить не надо, сказал заветное слово, и говори с кем хочешь. А так, всё просто, называешь имя с кем хочешь поговорить, если он подошел к камню, то говори, сколько хочешь, хоть целый год разговаривай, только 3 серебряных блёстки у тебя, каждый год, изымут за услуги связи. У каждого имени свой сигнал вызова, его можно даже транслировать в мозг, так удобнее пользоваться. Астроном отошел от меня, и мы тут же испытали камни связи, следующий сигнал я услышал у себя в голове. Звонил Историк, приглашал на встречу клуба секретных любителей музыки, называл явки, пароли. Мы с ним договорились встретиться завтра, я пообещал к нему зайти, ближе к обеду. Ему нравилось любое действие окутывать тайной, создавать культ на пустом месте. Каждый придумывал сказку, в которой жил! Историка считали странным, но богатым человеком. Между прочим, с ним было очень интересно, он знал 1000 занимательных историй и загадочных случаев, это была неисчерпаемая копилка всего, что творилось в этом мире. Астроном ему всегда проигрывал в спорах, злился, иногда доходило до рукопашной, но их, как магнитом, тянуло друг к другу. Он категорически отказался идти к Исторiku, этот звонок окончательно испортил Астроному настроение, он ушёл от меня, что -то бурча себе под носа я поплёлся в сторону неисследованной улицы, она уходила вправо от площади, от самого фонтана, далеко оставляя за собой, и тюрьму, и офис всего, в том числе и связи. -Улица Ковролётная, -прочитал я на табличке дома. Странное название, и магазины какие-то странные, здесь продавались парики, накладные брови, ресницы, всё для женщин. Я был единственным мужчиной на этой улице, женщины, стоящие за прилавком, попадающиеся навстречу, по ходу моего ознакомления с городом, здоровались со мной, как с обречённым, как с принцем, спешащим на обед дракона, в качестве любимого блюда. К концу улицы прохожих не осталось совсем, на стук моих шагов, ко мне подошел слепой старик, спросил, на какую улицу он попал. Я ответил. Старик, только услышал про Ковролётную, так чухурнул от меня, в противоположном направлении, как будто за ним гналась стая бешенных собак. Я всё же, не смотря на внешнюю скрытую опасность, дошёл до конца. Здесь был конвейер каких-то телег, без колёс, которые одна за другой, останавливались ненадолго на площадке, потом медленно отъезжали и ускоряясь, улетали в небо. Это чем-то напоминало аттракцион из рассказов Аники о городе, тем более, что на входе на площадку, стояли два больших разукрашенных клоуна, и приглашали прокатиться, как бы заманивая в небо. Я преодолел в себе это жуткое желание и молча потопал домой, в надежде узнать от Астронома всё об этой странной улице, и о летающих каретах. Астронома дома не было, на столе лежала записка, но прочитать я её не смог, из-за корявого почерка. Весь вечер и всю ночь я провёл в переживании за друга, а утром, с первым сигналом водных часов, находящихся в храме Большой Гусеницы, я побежал по Цветочной улице, с запиской в кармане, в надежде, что застану Историка, и он прочитает, что в ней написано. Историка дома не было, он тоже где-то пропал с вечера. Домоправительница подтвердила, что прибежал Астроном и они вместе с Историком куда-то ушли. Записку она крутила, и так, и этак, но чтоб прочитать её, направила меня к господину Рынде, благо, что директор паноптикума жил, напротив. Мы с ним пересеклись, когда я выходил от Историка, Рында спешил на работу, я ему пересказал всё по пути. До места работы было недалеко, накрапывал дождь. Рында кому-то крикнул, чтоб выключил поливалку, и дождь закончился. Он взял записку, и вслух прочитал: -Поливай цветы, поплыл выручать Свистульку. И больше ничего, для другого Спасатель не требовался, главное-поли-

вай цветы. Мне было интересно, что там натворил Свистулька, что его выручать понадобилось, за этих пять дней? Осталось только ждать, когда приплывут с острова Историк и Астроном. Меня Рында ввёл в музей, извинился, что нет Гиды (Гида уехала с Учителем), она бы провела тебя по музею по высшему классу, с объяснениями и с красочными характеристиками каждого экземпляра. Ты тут осматривайся, а я побежал, и Рында испарился, оставив меня один на один с чудовищами. (Он панически боялся оставаться внутри паноптикума. Правда я тогда этого не знал.) Я молча переходил от одного экземпляра, к другому: -причудливую растительность, сменили первые океанские ящеры-монстры, рядом сидели демиурги, стаями, похожие на Шурим, казалось, что они только прекратили разговор. Меня поразило с какой тщательностью были сделаны копии, даже взгляд их стеклянных и восковых глаз, казался живым, осмысленным. Дальше шли животные, как чучела, нагроможденные друг на друга, стаи птиц свисали с искусственных скал, разнообразная мелкая живность была выложена вдоль тропинки, абсолютно бессвязно: змеи с хомяками, мыши с крысами. В конце был человек, в диких шкурах, рядом застыла его жена, с курительной трубкой, трубка ещё дымилась, в самодельной грубой подвешенной колыбели лежал ребёнок, похожий на орангутанга и сосал соску. Дальше были двери с изображениями богов, они были заколочены досками, время от времени кто-то там буянил, оттуда раздавался шум и крики, что директор сволочь и вор, пропил их зарплату за полгода, что и на него найдём управу, вот только вырвемся из лабиринта. Я обернулся: соска валялась на полу, уже мужик курил трубку, а впереди у ящера, стоящего перед стаей демиургов, непрерывно бежала слюна изо рта. Мне что-то расхотелось возвращаться, и я вышел через боковые двери. Но только я туда вошёл, ко мне с визгом подскочила какая то мохнатая образина, со словами, что сюда нельзя, не готово ещё, и выпихнула меня наружу. Директора я нашёл в беседке, он при моём приближении, успел что-то спрятал в сумку. Я спросил, как отсюда выйти, он видимо не понял, сказал «Угу» и махнул рукой. Я прошёл через запах полироли или спирта, доносящийся из беседки, за которой сразу начиналась улица, параллельная Цветочной. Рядом с Цветочной мне хотелось, чтоб находилась улица Ягодная или Виноградная, какое же было моё удивление, когда на табличке близстоящего дома, я прочитал-Улица Поп... остальное было густо заретушировано. -Может быть Популярная или Попутная, -подумал я. На этой улице был единственный на весь город магазин сантехники, со светящимися унитазами на витраже. Мне надоело обследовать город по его второстепенным улицам, легче было найти карту города, где обозначено всё не особо значимое, и только на случай, если мне понадобится магазин скрепок или иголок с нитками. Я вновь вышел на Цветочную и пошел к площади. На площади, как всегда, кто-то чего-то строил; наверное, очередной праздник приближается.

Историк с Астрономом появились через неделю-злые, задумчивые, сильно помятые, на мои вопросы, только огрызались и сразу завалились спать. Выручать им кого- то явно расхотелось. Когда на следующий день, оба выручателя пришли в себя, и встретились у нас дома, то от их крика и взаимных упреков, я думал, что крышу сорвёт. И самое интересное, что один рассказывал одно, другой другое, как будто не вместе были. Но совместив, как-то их рассказы и убрав эмоции, подтверждающиеся регулярными пинками и щипками с обеих сторон, я прояснил всю картину происшедшего.

На Свистулька постоянно сыпались жалобы, вода в острове имела свойство заканчиваться быстрее, чем набираться. Свистулька был далеко не юн, да ещё любил пофилософствовать, а когда он решал ту или иную мировую проблему, он забывал про воду, про остров и про всю вселенную. Романтичную работу водоноса он не любил, умудрился порвать оба кожаных мешка, в которых переносил воду, и проклинал тот день, когда его уговорили, за пол срока тюремного заключения, поработать водоносом на острове Святой Гусеницы. Кое как отмутив очередной день и вручив оба порванных мешка служащим для ремонта, он решил разведать внутренности храма, поискать что ни будь водоносящее, водосамопередвигаемое, что ни будь полегче кожаных мешков. Чтоб ему пусто было! Он залез в самое святое-святых-в

пещеры Великой Гусеницы. Осквернив своим прикосновением реликвию древности, которую он назвал канистрой под воду, вылив всё её содержимое на груды железа, валяющегося в углу. То, что было в канистре, он назвал вонючим маслом, быстро разъедающим ржавчину. Через некоторое время из груды ржавчины, появилась железная рука и потянулась к остальным канистрам. Свистулька испугался и убежал с криком, к своей келье. Его пытались успокоить, привести в чувство, но он только свистел и говорил: -А-А-а-а-шс-шс. Когда наконец он смог более-менее связано рассказать, что случилось... все ринулись в Храм. Но там никого уже не было, не было и железной ноги Священной Гусеницы. Только был огромный туннель и записка, выбитая на стене зубилом: -Всё своё забираю с собой. Исполнительный орган демиургов Г-66(для остальных дураков-Гусеница.)Пол часа все стояли с раскрытыми ртами. Потом начался шум, третья часть рванула по новому туннелю, догонять божественную Гусеницу, которой уже след простыл, она успела наделать столько пещер и лабиринтов, что догоняльщики месяц собирать с помощью «Ау» пришлось, другие говорили, что всё это засекретить надо, третьи, которых было больше, посчитали себя одураченными, наливались и краснели от злости, а когда их терпение перелилось через край, то тут такое началось...досталось всем – и за папу, и за маму, и за целование железной ноги. Но больше всех досталось бы самому Свистулке, если бы его не утатила Святая Гусеница, после которой в келье, только туннель остался. Как только эта заварушка началась, один знакомый монах позвонил Астроному. Вот мы с Историком и ринулись спасать Свистулку, а приехали в самую середину разборок, когда все лупили всех, а больше всего досталось жрецам, монахам и их родственникам. Я только одного не пойму, кто сказал толпе, что мы друзья Свистулки? ... Три дня, по новому туннелю, между островом и Белой страной вместе с монахами убегали. Кстати, этот новый туннель, этот Исполнительный орган Г-66 вырыл, для каких целей, а кто его знает. В первый день, когда люди мутузили друг друга, он водопровод на острове сделал, видимо Свистулку достала эта не наполняемая чаша с водой. Нет худа, без добра, теперь острову водонос не нужен.

Глава 4.

В Белом царстве пахло жареным, первыми этот запах почувствовали храмовики, они пропали в один день, даже из политики. Никто уже не заикался о 15 процентах годовых в пользу храма. А ожившая Гусеница за ночь выстроила, что-то типа Ковролетной переправы, по туннелю связывающим Белую страну с островом. Хочешь на корабле сутки пиляй, хочешь в карете, за пару часов. Только, пока смута не закончится, правительство решило войска к туннелю подождать и закрыть Ковролетное сообщение. А народ, управляемый стихией, открыл сезон охоты на храмовиков, пошли повальные обыски, аресты. Половина населения гонялось за священниками, половина прошла через камеры местной тюрьмы. Меня схватили первым, как пособника главного жреца. Таких пособников собралось больше 10000 человек, никто из них жреца не смог описать. По камерам ходил художник, по общему описанию жрец был абсолютно лысым, похож на Фаллос с крыльями, сидящий в железном сапоге Великой Гусеницы. Под это описание подходило больше половины служащих культа ползающего идола. Слава Великой Гусенице! Такими словами начиналось каждое утро в Белой стране, в течении многих тысячелетий. При обысках нашли и выпускали много птиц, здесь было такое многообразие синичек, зябликов, голубей, попугаев, привыкших к полумраку сов, даже одного страуса и двух пеликанов. Они мгновенно заполнили небо подземного царства, большая часть из них улетела, найдя путь наружу, но некоторые остались: совам, попугаям и голубям, родившимся здесь, пришёлся по вкусу местный корм и безветренный тёплый климат. Нас по одному вызывали к следователю, потом люди пропадали, в крайнем случае никто не вернулся. Камера была забита полностью, моих знакомых никого не было, люди ни с кем не разговаривали, ходили ужасные слухи. Наконец дошла очередь и до меня. Меня вело целых шесть жандармов, вооруженных

булами. Следователь начал из далека, что то рассказывал о колдовстве, о политике, о грязных интригах храмовиков, закончил тем, что за один камень он освободит меня от смерти и трибунал приговорит меня к депортации. Так оно и вышло, хорошо хоть камни я запрятал в разных местах, как советовал мне Астроном, иначе отобрали бы все. На улице Ковролётной образовался целый лагерь, жандармы цепью окружили площадь с осуждёнными, меня просто втокнули внутрь цепи, и я оказался в объятиях Историка: -Я уже давно наблюдаю, как тебя ведут. Хорошо хоть так, мы живы, Спасатель с нами, а значит не пропадём. Мне бы его оптимизм. Больше никого наших не было. Историк радовался, что хоть меня нашёл, а может в страну Эха кого-то раньше отправили? У него было немного перекусить, он уже третий день находился в лагере. Здесь было трудно с едой, мы были осуждены, значит вне закона, деньги, что отдавались охране на еду, просто пропадали. Карет для переезда не хватало. Был полнейший хаос и беспредел. Мы нашли местечко потише и поспокойней, это хоть дало возможность, что -то кинуть в желудок и осмотреться. Тебе не кажется странным, что здесь одни мужчины? Неделей назад, на эту улицу, нельзя было не одного мужика загнать? -обратил внимание я Историка. Он задумался, а потом придвинулся ко мне поближе, и на ухо, шёпотом: -Нас, под шумок, за наши же деньги, продали. Потом Историк рассказал, что нас ждет в стране Эха, и что она из себя представляет.

Когда на Земле царило согласие и покой, и в долине, омываемой великим Индом, было много дичи, не было недостатка в воде и пище. Редкий путник, странствующий в этих местах, мог найти себе безопасный кров под сенью вековых деревьев, чьи плоды украсили его стол, чьи ветви защитили бы его от ветра и дождя. И любой, прохожий местный житель, рад бы был поделиться едой с путешественником. Достаточно было короткого рассказа, чтоб насытить любопытство аборигена. В том месте, где река Инд, несёт свои воды в Аравийское море, были леса, стада диких буйволов паслись по её берегам, люди, заселяющие эти земли, занимались скотоводством, немного земледелием, охотой. Вместе возделывали землю, вместе праздновали день собранного урожая, вместе защищались от хищников, но от тех хищников, что пришли, одновременно с севера и с юга, защиты не было. Они хитростью зазвали вождей племён на пир, и отравили их. Всех людей, что попадали к ним в руки, сделали рабами; и заставляли, под угрозой смерти, вырубать деревья, выкорчёвывая и выжигая пни. Подгонялись длинные плоские лодки и сотни верблюдов, увозившие дерево, древесный уголь, гипс, мрамор, соль, медную руду. За сотню лет не осталось ни одного дерева, пришлые люди дали три потомства, родив новый народ-ариев, построив город Мокеджо-Даро на реке Сарасвати. Новые племена невольников, пригнанные на эту землю, рыли каналы, насыщая почву влагой, получая лучшие корма для скота, лучшие урожаи, для тех, кто рискнул заняться земледелием. С каждым новым поколением, всё больше, и больше люди насиловали землю, не слушаясь голоса разума. Начались войны за воду, из зависти, травили ядовитыми травами, привезёнными из глубины Индии, рыбу и скот, выращенный более удачливыми соседями. Земля умирала. Природа взбунтовалась против человека, погубившего её. Было землетрясение, сильное землетрясение, которое разрушило и поглотило город Мокеджо-Даро, река Сарасвати ушла под землю, а вода стала солёно-горькой, и не пригодной для людей и животных. Но поздно, слишком поздно началось это очищение, земля умерла окончательно, превратившись в пустыню. Народ ариев растворился в истории, дав семена другим народам. Одна ветвь этого древнего рода ушла под землю, по течению скрывшейся реки Сарасвати. Прошло много лет, люди забыли выход на поверхность, люди забыли, что есть земля. Под землёй народ, минуя много веков, пошел тремя путями: одни осели на благодатном берегу океана, где земли богаты корнеплодов, пригодных для пищи, построив химические комбинаты, и основав Белую страну. Вторые, основали военную диктатуру, назвав её страной Эха, объявив врагами демиургов, основанием для вражды стала кровь, которой питаются эти существа. И как демиурги не доказывали, что держат для этой цели кроликов и устраивают охоты на крыс, то в одном, то в другом месте обнаруживались

трупы людей, полностью обескровленные, иной раз находили консервы из человечины, они даже выращивают и держат собак, высокоинтеллектуальных чупокабр, которые тоже не брезгуют человеческой кровью. Третьи, создали страну эгоистов, там каждый сам за себя, каждый считает себя личностью, и его мнение самое правильное из мнений. Они назвали её страной «Ё». Почему? Я не знаю. Я там ни разу не был.

—А, что конкретно грозит нам? —спросил я. Историк схватился за сердце: —А, ты что, ещё не понял? Не ты ли мне только что сказал, что неделю назад, на эту улицу ни одного мужика затащить нельзя было? Потому, что здесь, около карет, постоянно дежурили солдаты-вербовщики, и кого уговаривали, кого спаивали, кого воровали, для войска в страну Эха. Вот увидишь, там на другом конце будут ждать войны, которые будут делать из нас пушечное мясо. А, всех, не вписавшихся в эту, антирелигиозную революцию, кто— то удачно продал в армию Эха. И никакое плоскостопие, никакие камни тебе не помогут, даже сверхдрагоценные, даже если они в почках или в мочевом пузыре. В этой милитаристической стране совсем другие ценности и другая валюта.

Целую дорогу мне Историк рассказывал про страну Эха, то что знал сам. Верховный правитель этой страны-Генералиссимус, у него в подчинении два маршала, у каждого маршала есть один генерал и один адмирал, а дальше всё по субординации, как в любой армии, только названия разные. Самый бесправный это солдат, назови ты его хоть рядовым, хоть зелёным, хоть земляным. Штатных, то есть, мирного населения в этой стране нет. Здесь, если муж-рядовой, то жена-сержант, или наоборот, в зависимости от характера. Все заводы, конструкторские бюро, полигоны ориентированы на военную промышленность, везде охрана и группы допуска. Всё питание и любой товар, можно приобрести, при наличии воинского предписания либо других документов, подтверждающих личность-по продуктовым карточкам. Карточки выдаются командирами подразделений, в случае нахождения военнослужащего в командировке или на военном задании, вне места постоянной дислокации-карточки выдаются военными комиссариатами. В отдельных случаях вместо карточек выдаётся валюта-камнями или звончиками. У нас солдаты-вербовщики получали камнями. Поэтому старались не подходить близко к балконам. У нас очень любили этих солдат, ну о-о-очень! —Ну, а если маленький появляется в семье, тогда как? —Историк отреагировал на мою реплику: —Автоматически присваивается звание солдат, рожать приходится в другой стране, проживание до 10 лет тоже в другой стране, с обязательным возвращением на Родину. Одежду твою, вместе со шляпой отберут, камни твои пропьют, взамен получишь мундир, который ещё надо будет отработать. Целый год из тебя будут делать солдата, учить ходить строем, маршировать, разговаривать кратко и лаконично, выбивать последние капли разума, чтобы ты был беспрекословен и легко управляем. И за это всё, ты пожизненно будешь должен стране Эха, учитывается даже то, что мы с тобой летим в карете, по прихоти работорговца. Прогноз Историка был пессимистичен, но то что ожидало нас, выглядело ещё печальнее. На территории ковропорта страны Эха, нас ждало человек 100 сержантов, одетых в черную униформу, с черепами демиургов на шевронах. В руках каждого была резиновая дубинка, с помощью которой они нас быстро привели в чувство и превратили в голый, сбившийся в кучу, скот. Врачебный осмотр, избавление от лишней волосатости, прохождение санитарно-гигиенических процедур превратилось в один непрерывный конвейер, где хоть одно неверное движение, приводило, всего лишь, к появлению нового синяка на теле, от знакомства с резиновыми игрушками сержантов. Через десять минут, мы с полученным комплектом белья, называемого формой, выстроенные по ранжиру, стояли перед своим сержантом. Форма одежды, в строю, у нас была 0(ноль), мы стояли перед командиром, в чём мама родила. Он дал нам минуту, чтоб мы привели себя в порядок, опять завертелась дубинка, но даже с её помощью, нам не хватило даже пяти минут. Кое как одевшись и обувшись, мы опять построились. И без зеркала было видно, выглядели мы ужасно. Сержант, при виде нас, скривился: —Теперь, стадо вонючих обезьян я буду делать из вас солдат! Поняли? Мы негромко вразнобой отве-

тили -Да! -Что, не слышу? -Взревел сержант, приготовив свою резиновую помощницу. Теперь уже тридцать человек, забыв про свои дела, заорало так, что откликнулось эхо во всех пещерах страны. Это были цветочки. Год службы пролетел как один день—сплошной сон-тренаж, сменяющийся марш-бросками и монотонным отстукиванием каблуков, при строевой подготовке. Имя, я уже не помнил, как меня звали, в строю я был первым по ранжиру, все меня и звали Первым, а кто называл дылдой, получал в нюхальщик, в армии это поощрялось. Наше подразделение прогнали через полигон, испытав на стрельбу боевыми булами, и отправили на позиции. В окопах мы и должны были отрабатывать потраченные на нас государством средства. Первым делом нам поменяли руководство, вместо сержанта-сади́ста, дали другого и ещё капеллана. Дали бы и похоронную команду, но она где -то в тылу застряла, вместо похоронной команды, каждому выдали по лопате, со словами: -Спасение утопающих, дело рук самих утопающих! То есть, прежде чем тебя убили, сначала вырой яму, застрахуй свои похороны, купи гроб, закажи молебен в Храме, но прежде расплатись с государством. А ещё нас выучили самым главным армейским командам горна: Когда полевая кухня приезжает, и «Прячься, кто может! Изредка мы стреляли в даль, не видя врага, потом прилетал враг и бомбил наши позиции. Мы глубоко зарылись в землю, и по команде горна-Внимание. Воздушная тревога! Можно было выспаться. Бомбы до нас не доставали. Служить можно было, только всегда хотелось спать и сладкого, мне казалось, что за обыкновенное земное яблоко или плод инжира, я готов был Родину продать, только главное не продешевить в торговле. Меня вот продали, а я второй год... и все должен, должен. Историка я больше не видел, мы с ним потерялись при распределении. Лучше бы он тогда был не прав! Сержант, что нам дали, чаще заглядывал к себе во внутренний карман, где была баклажка с медицинским спиртом, для дезинфекции собственного организма, а капеллан боялся всего, даже собственной тени, и почти не выходил из каптёрки, где ему выделили место. Сержант время от времени устраивал строевой смотр, наш внешний вид его вдохновлял на очередной подвиг, который он приловчился делать в недалеко расположенном армейском туалете, по имени-параша. Он регулярно туда бегал, к вечеру иногда доползал до позиций, при этом, в его груди постоянно что— то хлюпало. Сердобольные солдаты затаскивали его в блиндаж и улаживали на уже приготовленное место. Он целую ночь уничтожал противника зашифрованными песнями, без слуха и совести. С противоположной стороны ему кто— то подпевал, разведчики говорили, что это чупокабры пытались в такт нашему сержанту подвыть. Своеобразный хор поддержки армейского солиста. Хорошо, что в казарме данное пенье не прослушивалось, иначе бы удушили его, из милосердия к искусству. Иногда сержанта вызывали к командиру, они там целую неделю решали стратегические планы, пока не появлялись зелёные чёртики, которых рота ловила по округе, специально сделанными сачками. Мы находились далеко и в стратегические планы никак не вписывались. Меня сержант оставлял за старшего, и главная задача была, чтобы полевая кухня мимо не проехала. Там наверху, в ставке главнокомандующего, вечно не хватало немного до победы: кому— то ума, а остальным—денег, поэтому все отдувались на нас, как могли, и откровенно солдат посылали... в атаку без бул. Булы числились на командире роты, и за каждую утерянную в бою, списывались с его карточного счёта, в десятикратном размере. Поэтому мы за свои продуктовые карточки, только расписывались. Я никогда не видел эти карточки и забыл, что такое продукты, то, что привозилось полевой кухней, называлось – баланда, что к продуктам не имеет никакого отношения. После каждой такой атаки, мы теряли человек пять личного состава, их потом ловили далеко от подразделения и через суд, возвращали назад. Война была альтернативой смертной казни. Побегав без оружия, под носом ошалевшего противника, мы возвращались в свои окопы, перед приездом полевой кухни. День пошел в зачёт. Сержанту ротный пообещал медаль за атаку, тот от радости так напился, что домой не пришёл ночевать. Его искать никто не стал, а зря! Я провёл вечернюю поверку, все были на местах, и скомандовал отбой. Поспать спокойно только не удалось. Только подразделение коснулось своих подушек, из каптёрки вылез, пританцовыв-

вая, капеллан. Разоружив дневального, для собственных нужд, он, с буллой наперевес, пошёл в атаку на туалет. Капеллан в парашу, без булы боялся ходить. Не знаю, что там случилось, но в бывшем темном туалете, встретились два наших армейских начальника, була автоматически сработала, выкинула убийственный заряд, разнесла туалет на ухарь, абсолютно не задев командиров. Только говорить они разучились, ничего не слышали, капеллан всё время икал, а сержант пускал пузыри, и пахло от них не розами. Из штаба приехала комиссия, нашли сержантский фонарик, ничего не решили и закрыли дело, обязав нас построить новое отхожее место. Старшим опять поставили первого по ранжиру. Теперь, кроме встречи походной кухни, у меня появилась новая задача-строительство, отдельно стоящего, туалета, типа параша. Наши, между собой обсудили случившееся. Сержант наклюкался и завалился спать в туалете, было темно, а тут начал шуметь капеллан, поднимая свою рясу. Сержанту это самоуправство постороннего, в распоряжении его личного кабинета, не понравилась...и он включил фонарик, а дальше случилось то, что должно было случиться. Только легче нам от этого не стало. Два сортира, что мы построили на нейтральной полосе, вдали от наших позиций, разбомбил противник. Такой ожесточённой атаки, на произведения нашего строительного таланта, я не видел с момента моего появления на этом поле боя. Один сортир, который мы соорудили у себя, глубоко в тылу-развалил, лично, ротный, надавав по шапке страждущему и пообещав наши позиции перенести поближе к противнику. Я оказался в цейтноте, и пока все отдыхали, я думаю думал, там, где нашел не загаженное место. Вдруг я услышал знакомый голос, шепелявый и с присвистом. Свистулька! Как же ему я был рад, он стоял в свежевырытом туннеле, на платформе Г-66 и подозрительно принюхивался к окружающему воздуху. Потом он пристально посмотрел на меня, и показывая на кучи, спросил: -Это ты сделал? В Белой стране ты был Спасателем, а здесь ты кем работаешь? Мои руки хватили воздух, пока я гнался за Свистулькой по туннелю. Он от засранца убежал быстрее, чем от толпы фанатиков атеизма. Его поймала Г-66, подвесив на крюк за шкирку, только благодаря машине, мы и смогли поговорить. Свистулька долго привыкал к новому имиджу Святой Гусеницы, которая наняла его на работу, в качестве помощника машиниста, где что смазать, где подкрутить. Он признал, что металлический агрегат, является разумным, который выполняет строго заложенную миссию, на этой планете. А так же он с лёгкостью выполняет любую просьбу. Я только подумал: -Вот бы он мне помог с туалетом! Г-66 оставил нас наедине с другом, и пока мы беседовали, успел сделать подземный туалет, с вентиляцией, с канализацией и с говорящими само смываемыми унитазами, притом, выход был прорыт к тумбочке дневального. Свистулька рассказал, что бывший бог всё поделал, что планировал в Белой стране, и теперь приметя за страну Эха, здесь у него, где-то подруга работает, у демиургов. А этот туннель, мы замаскируем, он ведёт в сад Историка, ты его не встречал случайно? Я рассказал Свистульке, как они с Астрономом его спасать хотели, потом рассказал, как нас государство предало и продало, только с Историком мы потерялись и ничего про него я не знаю. Свистулька ещё кое что рассказал про туннель из страны Эха в сад моего друга, в Белой стране; он сказал, что за неимением материала, туннель снабжен всего двумя каретами, одна с одной стороны, другая с другой. В течении трёх часов можно шесть человек провезти. А мне больше и не надо, найти бы самого Историка, интересно, как его жизнь сложилась в этом экстремальном мире? Свистулька мне показал вход в туннель и сказал заговорённое слово-Святая Гусеница, только произносить нужно его по-свистулькински, с шёпотом и присвистом. Я потренировался, дважды открыв и закрыв туннель.Г-66показал, что нам пора прощаться, Свистулька заскочил внутрь гусеницы, и она исчезла в земле, перерыв и перелопатив все «художества» нашего армейского коллектива. Я даже не попрощаться, не поблагодарить за туалет не успел. О нашем туалете поползли слухи, приехала комиссия от генерала, сказали, что нам не положено иметь такую роскошь, попытались демонтировать унитазы. Но те по пути их обматерили и даже покусали, сами добрались назад и само установились. Была ещё одна, и последняя попытка, переместить наше подразделение, но куда бы

нас не селили, туалет следовал за нами, с выходом к тумбочке дневального. После этого про нас забыли, правда мне, за своевременное строительство туалета присвоили звание сержанта и поздравили с полагающимся отпуском. Но когда в генеральской бухгалтерии пересчитали мои долги, то я оказался должен ещё больше, чем был, поэтому был найден третий, оптимальный путь: отпуск я могу провести при части, с вычетом стоимости блюд походной кухни, и проживания в казарме. Когда я просмотрел разрядку бухгалтеров по моему казарменному отдыху, то выходило, что я отдыхал в лучшей гостинице Белой страны, при трехразовом ресторанном питании, где экзотика окопов и периодические бомбардировки неприятелем, приравнивались к лазурному берегу подземного океана. Я понял, что лучший отдых, это отдых на фронте, в казармах страны Эха!

Глава 5.

Отпуска было 60 дней, я только жалел, что не было гражданского костюма. Так мне эта форма надоела. И всё-таки я решил рискнуть, и проехать туннелем Свистульки. Отдыхать, так отдыхать, и произнеся заветное слово, я влез в карету, и она меня понесла в Белую страну, к которой я уже успел привыкнуть. Я так рассчитал, чтобы прибыть ночью, и чтобы поменьше меня видели в военной форме, с сержантским шевроном. После революции видно ночи в государстве отменили, освещение падало, но незначительно, были светлые, белые ночи. Это было так непривычно. На улицах никого не было, не светились неоновые вывески, по дороге валялись порванные плакаты. В разбитых витринах магазинов гулял искусственный ветер, кондиционеры никто не выключал, за весь путь к дому Астронома, я не встретил ни одной влюблённой парочки. Странно, очень странно! Город как будто вымер! Астроном долго не просыпался, боялся открывать двери, а когда открыл, услышав мой голос, но испугался моего мундира. И заплакал, когда я его прижал к груди. Он сильно похудел, его шатало, дома, из еды, был только чай. Я нашёл в кармане несколько сухарей, для Астронома это был настоящий праздник. Когда мой друг отошел от шока, вызванного моим появлением, и всхлипывая, рассказал, что произошло в стране за эти полтора года, пока я отсутствовал. Всё рухнуло, - Астроном так и сказал, - всё рухнуло. За первой партией депортации, пошла следующая, и так было до тех пор, пока страна Эха, видимо набравшись солдат, перестала платить. Потом верхушка радикалов, командующая массой осознанных людей, лишённых антагонистических предрассудков, просто пропала. Купила или отняла последний корабль, и уплыла в неизвестном направлении, забив все каюты валютой страны, презренными дырявыми звончиками. Вслед за ними пропала полиция, последнего полицейского видели на Ковролётной улице, год назад. Уж лучше участь солдата, чем голодная смерть! Но только его там отлупили и прислали назад - на Родину, в голом виде. Наверно из полицейских солдаты не получают. Больше мы его не видели. Голодная толпа, ещё по привычке бегала, во всех бедах обвиняя железную Гусеницу, бегать наверно лучше, чем работать, потом и она пропала. Последние, самые предприимчивые, организовали сборку металлолома, и продав весь металл, тоже слиняли. И жизнь теперь у нас, как в сказке - остались одни корешки. А камни, даже сверх драгоценные, здесь ничего не стоят. Всё рухнуло, и химия, и государство, и надежда на будущее. А если учесть, что 80 процентов производства всего питания Белой страны, приходилось на экспорт, то не нужно быть экономистом, чтобы спрогнозировать, что ждет в ближайшем будущем соседние страны. Положение было ужасным, но не безнадежным, но от того безнадежен становилось ещё ужасней. Астроном говорил, что люди просто умерли, в своих домах, на полях, копая не съедобные корешки, просто на улице. Их даже черви не грызут, они превратились в высохшие мумии.

И тогда я призвал музыку, и на площади заиграл оркестр, голодные музыканты воодушевились от волшебных звуков, издаваемых инструментов. На площадь потихоньку начал сползаться народ. Город, впервые за много дней, услышал человеческую речь. Каждый подходил

ко мне и говорил, что он меткого здесь только не было: и химики, и браконьеры, и контрабандисты и пираты. Город надо было спасать. Рыбаков отправили ловить рыбу, и плав средства нашлись и сети, им помогали браконьеры, жители, что помоложе, отправились собирать корни, остальные пошли восстанавливать единственный химцех по производству молока, что ещё не основательно был освоен металлोलомщиками. К вечеру уже что-то видно было, в крайнем случае ухой город накормили, порадовали контрабандисты, выменявшие за драгоценные камни, целый катер набитый с горой продуктами. К концу недели у нас появился первый хлеб, испечённый на нашем предприятии, через месяц... через месяц люди уже не умирали, избрали совет Белой страны, и первым указом этого совета, стал запрет возврата прежних руководителей-воров и расхитителей. Остров только жаль, где я родился, как Спасатель. Людей там совсем не осталось, но какой-то лохматый фанат, из паноптикума, предложил сделать из острова туристический район предложил, ему и карты в руки, не знаю, что он сделает из острова, но его директором острова Святой Гусеницы, сделал совет в тот же день. Даже первый из катеров закрепили за ним, восстановили ковролётное перемещение к острову, и на удивление, первые поступления в казну страны, пошли именно с острова, правда в виде продуктовых карточек и звонников. Что-то надо было делать с валютой, камни совсем обесценились, только контрабандисты ухитрялись получать из них выгоду. Я это понимал. Заработает институт валюты, как нам говорил знаменитый финансист, зарабатывает всё, магазины, рестораны, экономика. Этого финансиста мы нашли умирающим в его квартире, и отпаивали ухой, с ложечки, а теперь ничего, даже румянец появился. А пока... пока все продукты распространялись по спискам, по праву единственного имени, рождённых в Белой стране. И впервые в совете были представлены, и Печник, и Врач, и Посудомойка—люди, спасшие эту страну. Город, как маленький ребёнок, начинал становиться на ноги, делал первые шаги, и с каждым днём всё крепчал, и крепчал. Валюту нашли химики, предоставившие на обозрение совета выращенные кристаллы, с вмонтированными изображениями музыкальных инструментов, и со всеми степенями защиты. Они пообещали в течение месяца предоставить цех, по выращиванию денег, для всего государства. У меня уже почти кончился отпуск, я сделал, что мог для этой страны. В замен... что получил взамен? Да ничего—День образования совета, сделали государственным праздником и назвали «Днем Спасателя», в местном кафе придумали печеное блюдо из сухарей на молоке, обильно сверху посыпанное жареной рыбой, назвали его «Спасателем». Это блюдо стало национальным на столах Белой страны. Я уезжал, Астроном не сдерживал своих слёз, просил остаться, что страна осиротеет без Спасателя. Я одел свою сержантскую форму, возвратиться в страну Эха решил через Ковролётную, представив какие рожи будут у встречающих волкодавов! Меня ждали новые дела. Пока я шел, к поджидающей меня карете, весь город собрался на улице, люди хлопали в ладоши, бросали цветы. Город провел меня овациями! ... Вот что получил я взамен.

Встречающие, как испарились, когда я вылез из кареты с шевроном армейского сержанта, никому из них не хотелось попасть на фронт, это они перед гражданскими с дубинками смелые. Мне нравилась роль беспредельщика, я шёл по улицам столичного города, встречные патрули прятались по подъездам, смертной казни в стране не было, а дальше фронта, не сошлют, но мне хотелось, ах как хотелось, парочку этих маменькиных сосунков забрать с собой. Продуктовых карточек у меня не было, в военных магазинах я мог скупиться в долг, но в долг цены кусались, я просто гулял по столице Эха. В кармане лежало предписание, прибыть в часть не позже 24.00. Я просто убивал время, которого у меня было уйма, ближайший ковролёт в девять часов вечера, а там от посёлка час ходу до расположения. Проходя мимо одного здания, я услышал знакомый, не типичный для страны Эха, голос. Он, как издеваясь, катился по мостовой: -Милости просим... Вам не кажется, что эта вещь-эксклюзивна... Извините, что я вас назвал сударыней. И только подняв глаза на вывеску, висевшую на здании, на которой было крупными буквами написано-Центральный музей страны Эха, я понял, кому может принадлежать этот

противный неэховский голос. Вхождение армейского сержанта в музей, это равносильно появлению кобры в женской бане, музей мгновенно опустел, оставив меня один на один с экскурсоводом. Экскурсовод, одетый в мешковатую форму рядового, запинался, бледнел, смахивая рукавом пот с лица и постоянно поправляя очки, не мог доложиться по форме, и уже готов был получить взыскание, в виде десяти отжиманий или чего похлеще. Меня, в этой форме, он явно не узнавал, для него в музее, я был бог, сидящий выше Святой Гусеницы. Я его хорошенечко встряхнул: -О ба, Историк! Нехорошо старых друзей не узнавать! Он, по привычке, схватился за сердце: -Я, господин сержант, никак нет... Спасатель! И Историк помчался закрывать музей. Он рассказал про ад, который ему пришлось пройти, как его забивали насмерть, как хотели дважды комиссовать, как абсолютно не пригодного к армии...но помог его величество случай, предыдущий директор музея попросил политического убежища, находясь на отдыхе в стране «Ё». Соседняя страна забрала его с удовольствием, вместе с армейскими секретами, который этот директор скрупулёзно копил несколько лет. Говорят, что у него был компромат на самого Генералиссимуса. Потом я рассказал ему всё, что случилось со мной, рассказал за Свистульку, за секретный туннель, ведущий в сад его дома, в Белой стране, рассказал всё про Белую страну, про новую валюту, про то, что осталось меньше 10 тысяч жителей, про новое возрождение, про остров. Теперь я хоть знал, где мне искать Историка. Он сначала схватился за секретный туннель, а потом притих, даже мне показалось приуныл: -Каждому человеку даётся жизнь, чтоб он выполнил возложенную на него богом миссию

Я не знаю, что мне готовит судьба, но не вижу своей миссии в Белой стране. Я наверно пока останусь здесь, в музее, мне пришлось столкнуться с Академиком, с братьями Докторами наук, им ещё пришлось хуже, чем мне, на всякий случай, туннель Свистульки может пригодиться. Я спешил в часть, шла война, я не знал смогу ли ещё встретиться с Историком. Ничего не мог сказать о своём местоположении, сегодня мы здесь, а завтра там, но мы были живы, а это главное.

В части было всё по-прежнему, если не считать появления пары особистов, которые поначалу начали права качать, среди обозлённых солдат. До первой тёмной, говорят еле медики отходили, гонору то у них поубавилось, только гниль осталась. Последнее время они переключились на войну с туалетом. Позавязывали скотчем рты унитазам, везде повесили плакатов – «Враг подслушивает!», и по ночам пугали дневального дикими криками, то одного, то второго время от времени кусали унитазаы, поливая обильно, их же производным. Медики назначали сеанс лечения от унитазного бешенства, и кололи самые болючие уколы. Меня эти особисты абсолютно не волновали, но когда в руки попала докладная на Каланчу, то оба получили в нюхательник, чтоб знали, что в подразделении сержант главный. Я тут же распорядился убрать скотч с унитазаов, как нарушение общего вида санузла, а плакаты... пусть висят, если бы этот враг только подслушивал, а он ещё и бомбить может. От ротного прибежал взмыленный связной, на вечер планировалась психическая атака, с саперными лопатками наперевес, психов обещали подвезти к трем часам, из местной больницы. Сегодня трудный день, накрылся отпуск для подчиненных, прошлый раз, три дня психов на нейтральной полосе ловили. Тогда они умудрились захватить полевою кухню, чуть повара не съели, требуя добавки. Этот раз они пришли смиреннькие, застенчивые; за стенку сволочи прятались от моих солдат, видимо помнят, что подразделение голодным осталось. В войне не бывает без казусов, на нашу психическую враг ответил аналогичным контрвыпадом. Психи перемешались на нейтральной полосе, пришлось загонять, брали вроде своих, но с ними много чужих увязалось. Вместо лопаток, они тащили всякую хрень к себе на Родину: гранаты-связками, мины-штабелями, булы, колючую проволоку, ракеты и ракетницы, у одного психа даже адмиральский кортик обнаружился. Правда и тут ерунда получилась, кортик, что я отнял, настоящим оказался, адмирал-тоже, только неприятельский. А я ему ещё финал поставил! Этот раз обошлось

без происшествий, кухня прибыла вовремя, после того, как психи вместе с военнопленными отбыли в тыл. Адмирал обзывал меня нехорошими словами, требуя вернуть ему мой трофей. Трофей забрал ротный, у ротного начштаба полка... пока, в рукоять не вставили пару алмазов, и он мирно успокоился на стенке, в приёмной Генералиссимуса. На следующей неделе, явилась целая делегация, за результаты психической атаки, и за взятие неприятельского адмирала, меня наградили орденом «Трёх стран-БЭЭ.» Это высшая награда содружества, солдат моего подразделения наградили местный публичный дом. Так что мы вторую неделю на карантине, врачи обещают растянуть карантин до конца месяца. На время карантина, туалет закрылся на ремонт, а неприятельские позиции отодвинулись на пару километров. Перестала регулярно ходить полевая кухня, говорят, что кто-то заразил повара, и его видели лысым в лепрозории города. Старый осёл просто ходил, по привычке, знакомыми маршрутами, кто-то догадался в котелок класть сухпай, а ослу перед носом вешали морковку. Но внутренний враг не дремлет, сухпай кто-то съел, морковку съел, а перед носом осла повесили носок ротного. Ошалевшее животное, пробежало по всем вражеским позициям, и захватив чужую полевую кухню, приплелось в расположение моего подразделения. Три дня мы осла откармливали сухарями и травой, которую собирали особисты, подальше от солдатского минного поля. На четвёртый день осёл сбежал, когда, кто-то пытался надеть на него женский шиньон и накрутить гриву, раскалёнными щипцами для бигудей. Врачи, чересчур изобретательных и смекалистых, припугнули прижиганием, кое-чего детородного, после этого дела пошли на поправку. Врачи, приезжающие на армейском броневике, стали возить продукты, для нашего подразделения, один из особистов оказался неплохим поваром. Ротного, врачи сказали, в ближайшее время не искать, его отправили в страну «Ё», на лечение, он потребовал отдельную палату, для себя и для 40 зелёных друзей. После того, как неприятель, пару раз предприняв попытку завладеть нашими позициями, наткнулся на мощное минное поле нашего подразделения, фронт выровнялся и успокоился. Вскоре появился новый ротный, из старых унтеров, он вызвал сержантов для ознакомления и сильно их не беспокоил. Появился и новый повар, старый, после госпиталя, на повышение пошел, теперь у генерала кухарит по ночам, видимо генералу его десерты понравились. Даже осёл новый появился, только кухня осталась прежней, бурдым бурдой, конгломерат брикетов Белой страны с порошковыми добавками страны «Ё». Я у ротного выпросил увольнение на три дня, впервые он нарезал мне продуктовых карточек. Я не стал дожидаться завтрака и первым ковролётом улетел в столицу. Первым делом я зашёл в кафе, если честно, так соскучился по нормальной пище. Официантки, в военной форме, бессовестно пялились на меня, на орден, на то, как я ем. Я постарался быстрее закончить с едой, почувствовав, что на меня открывается тотализатор. Мне, откровенно, уже кусок в горло не лез, хотелось, как можно быстрее улизнуть из этого кафе. Очень тяжело получить удовлетворение от еды, чувствуя себя десертом, для многих голодающих. Даже размеренно шагая по улице, я спиной чувствовал жадные взгляды девиц, в казарменных юбочках, выскочивших на улицу провожать меня. В храме, как на корабле, отбивали склянки водные часы, через каждые пол часа. Музей открывался в восемь, я ждал встречи с Историком. Мой столичный друг, как всегда, не прибывал, по-армейски, а являлся из воздуха, как привидение, я его по скрежету ключей, открывающих дверь, вычислил. Этот раз он не так испугался, единственно, задержал взгляд на ордене. -Да я тебя заметил, когда по улице шёл, ты по витринам пялился. Хорошо, что пораньше закатил, до прихода посетителей. У меня для тебя куча новостей, ну это потом. Ну, здравствуй, герой! Про тебя тут газеты такого написали, что если бы я не знал тебя лично, то подумал бы, что придумали всё. Пошли в музей, и всё по порядку: я тут такое откопал! Но никому не говорил, ждал, когда ты придёшь. Пойдем покажу. И Историк быстро начал удаляться, я еле за ним успевал. Я привык к причудам друга, он если что-ни будь обнаруживал, открывал, изобретал, то был немного не в себе. Этот раз он меня протащил по подвалам, дерганул за нос чучело гнома, и перед нами открылась комната. Вот! Что, вот? – спросил я его. -Вот, я это нашел. Я понял,

что дальше бесполезно с ним разговаривать, пока он объяснял, как наводил порядок, упал и случайно схватился за нос чучела..., я обследовал его находку. Комната, была как комната, посреди двери, герметично закрытые, с двумя кнопками. Я попробовал нажать на одну-двери, со скрипом, раскрылись; нажал на другую-закрылись. Раскрывались они в стороны, пропадая в пустых ёмкостях стен. Странное сооружение подумал я. Я абсолютно не имел представления, что это, и для чего оно предназначено, но всегда относился к подобным находкам с опаской. Всё что непонятно, в конечном итоге, направлено против человека. Необходимо было подумать, мне что-то не верилось, что мы единственные, кто знает об этом секрете. Я отправил рядового Историка на вход музея, а сам порылся в подвалах, и среди хлама, -нашел обрывки рыбацкой сети и пол мешка мела. В голове зародился план. Сеть я пока отставил в сторону, а мел наскрёб и аккуратно притрусил перед входом в комнату, поставил нос гному на место и пошёл искать музейного работника. Историк, скучаясь сидел перед входом. Я то думал, что мы, вдвоём, пойдем исследовать, искать, ждал тебя, как бога, а ты... У меня не было желания выслушивать его нытьё, я просто по-армейски оборвал его: -Отставить! Потом посвятил его в свои планы. Он воспарял, приключение началось, мой план он назвал «Охота на оборотня». И с нетерпением ждал результата, но часы пробили обед, и я пригласил земляка в кафе, предварительное сняв свой орден, уж слишком много внимания к себе притягивал. Историк предложил интендантское кафе, там к солдатам лояльнее относятся, да и готовят сносно. У меня там даже столик есть любимый, за Фикусом, тебя не видят, а перед тобой весь зал. Я подсмеялся над другом, а он напомнил мне, как быть солдатом в стране Эха. А, солдат в стране Эха, это низшая каста! Я особо и не возражал, за Фикусом, так за Фикусом. Готовили по сравнению с армейским харчем, неплохо, я заказал отбивные с гарниром, но всё же мне хотелось отбивных с моей родины, нет ничего, вкуснее шумерских отбивных. Бородатый русский проговорился, что давно уж нет шумерского царства, совсем другие государства, и другие народы населяют те места, где я рождён, но вкус настоящих отбивных не изменился. Пока мы наслаждались обедом, кафе наполнилось, появились офицеры в непонятной форме, говорящие на суржике страны «Ё», в основном вели себя прилично, но после принятия спиртного, процент адреналина в крови вырос, соразмерено с процентом хамства и уличного героизма. Но слава богу, мы доедали свой обед и не собирались ввязываться в какие бы то не было, разборки. Поблагодарили солдата-официанта, и продвигались потихоньку к выходу. Но не тут то было! Увидев, что младшие чины покидают кафе, выпившие офицеры решили поразвлечься, незаметно подставив подножку Историк, и толкнув меня на офицерский стол, заваленный едой. Хорошо, хоть интеллигент сбежал, на меня набросилась целая свора этого разномасштабного офицерья. Я, выдержав первый удар, вспомнил о своём шумерском происхождении, отломал пару ножек от стола, показал наш знаменитый бой с палками, которому учат отцы своих сыновей с детства. Те из офицеров, кто были потрезвей, побежали за военной полицией, а наши, армейские, случайно проходившие по этой центральной улице, кинулись мне помогать, но уже поздно было. Больше двадцати человек валялось на полу, издавая ритмичный стон. Только я вышел на улицу, меня схватил военный патруль, началась драка между армейцами и патрулём, и когда мы уже почти побеждали, остановился автомобиль и вылезший армейский генерал, так рывкнул, что мы забыли, для чего здесь собрались. Патрульные испарились, от греха подальше. Генерал взошел на ступеньки кафе, посмотрел внутрь, и видимо почувствовал побитым офицерам, спросил у официанта: -Кто это сделал? Солдат показал на меня. Генерал был выше на голову и пошире в плечах: -Что, один? Официант подтвердил, и рассказал, как всё произошло. Генерал слушал в пол уха. По моей одежде трудно было понять, кто я, какого звания и каким войскам принадлежу; ко мне подскочил генеральский адъютант и брезгливо вытянул документы из моего кармана. Всё-таки мне тоже досталось: одна рука, повисла, как плеть, под глазом бланш, но я был на ногах... в отличии от противника. По мере чтения моих документов, лицо у адъютанта вытягивалось всё больше, он просмотрел мой наградной лист,

вернул мой орден. И доложил генералу по-египетски, я понял, не всё, но понял. Генерал сказал: -Молодец! Настоящий солдат! И по- египетски, дал распоряжение внести моё имя на повышение по службе. Генерал сел в автомобиль, а все действующие лица разбрелись по своим делам, хозяин кафе тормозил стонущих офицеров, требуя возмещения причинённого ущерба, а я уже был в музее, где Историк мне готовил компрессы от синяков, по особым историческим рецептам. Утром я, преодолевая боль, пошёл проведать тайную комнату; и труды мои не прошли даром, я увидел следы, кто-то сделал целый ряд маленьких шагов в сторону исторического архива, эти же следы возвратились назад. Следы были настолько маленькими, как будто ребёнок прошёл, пошавив в музей. Исторические книги архива были очень тяжёлыми, переплетены чёрным деревом, находились очень высоко, на стремянке тоже были следы от мела. Пора было переходить к плану «Б». Мы до ночи придумывали с Историком ловушку, для неизвестного посетителя музея, который инкогнито, через тайную комнату, пробирается, к историческому прошлому, охраняемой нами страны. И придумали, замаскировав сети у стремянки. Как только объект появляется в зоне действия ловушки, дотрагивается до стремянки, ловушка срабатывает автоматически, сеть с пойманной добычей летит к потолку, звенит сигнализация из связанных литавр. Объект опускаем в клетку, чтоб не убежал, при возможности, делаем допрос. План нами обеими был признан гениальным, мы немедля приступили к его осуществлению. И когда наши глаза начали слипаться, план был готов. Первым в ловушку попал Историк, я ещё спал, когда зазвенели литавры. Не думал, что он такой тяжёлый, и если бы не помощь маленькой девочки, похожей на Анику, я бы не смог его снять безболезненно, он всё норовил упасть с высоты. Наконец Историка посадили на землю, позволив из сетей ему выпутываться самому. Ты кто? -спросил я девочку. Она посмотрела на меня, отвечать или не отвечать: -А, ты кто? Я увидел, что её подошвы были испачканы мелом: – Я Спасатель, а ты кто? И зачем здесь ходишь тайно. Я видел, что Историк смотрит на нас непонимающе, оказывается весь диалог мы с девочкой вели на зверином языке, на который незаметно перешли, когда доставали потерпевшего. Девочка рассмеялась: -Это тот Спасатель из Белой страны, которого когда- то звали Джафар? И перешла на шумерский, с лёгким акцентом, чтобы точно подтвердить, что я именно тот Джафар... я ответил по -шумерски, что не хорошо, не отвечать на вопросы, когда старшие их задают. Но эта егоза опять рассмеялась, но сейчас уже с моего вида. -Я то и думала, что такой большой, а неуклюжий,-девочка подала мне какую-то мазь. Говорит, что прошлый раз споткнулась, упала, забила коленку. Мы опять перешли на звериный, мазь ей подарила шумерская богиня Баба, ты не бойся, смажь все синяки, к утру ничего не останется. А зовут её, она сказала, что мы предварительно знакомы, зовут её-Ширин, и она принцесса демиургов.

Глава 6.

Я поклонился маленькой Ширин, как особе королевской крови. Она снова рассмеялась, сказала, что ей пора идти, но завтра мы непременно встретимся, ей интересно со мной поговорить, она по-Шумерски, попрощалась со мной. Я попросил уделить мне минутку внимания и спросил за Анику, девочку из египетского города Фивы. Она пообещала узнать у своих подчиненных. Я сказал Ширин, что завтра вечером обязан возвратиться в часть. Она ничего не ответила, только рассмеялась, смех её долго не умолкал, это смеялось Эхо здания, его коридоров, лабиринтов, подвалов. Наверное, поэтому страна Эха!

***

Утром было целых два взвода посетителей, большинство солдат было из Белой страны и знали Историка по гражданке, им не сколько был интересен музей, сколько хотелось пообщаться с земляком, узнать новости про Родину, ведь у многих в Белой стране остались родственники, семьи и они за три года не смогли побывать на Родине. Историк рассказывал, что

знал из моих слов, кое что добавлял от себя, но немного. Я в эти диспуты не лез, держался в стороне, а сержантский мундир отпугивал людей, лучше любой страшилки. А у самого вертелись в голове планы, как вернуть людей на Родину, к семьям-в Белую страну, но...слишком было много— но. Как бы сделать так, чтоб они не были дезертирами? Нужно было много работать, очень много работать над этим вопросом. К обеду все рассосались, унеся с собой историческую пыль. Хотелось бы куда-нибудь пойти перекусить, но мы ждали Ширин. Через полчаса я услышал лёгкие шаги, Историк побежал закрывать двери. Принцесса только узнала, что мы остались голодными по её вине, без всяких возражений, потребовала идти за ней. Мы с Историком впервые переступили двери заветной комнаты. Там был ряд клавиш, как на египетском ксилофоне, на каждой —арабские цифры. Ширин объяснила, что это кабина лифта в её царство, показала, как пользоваться, я только и запомнил, если нажимаешь на клавишу с цифрой 3, то попадаешь в царскую кормильню. За несколько лет мне приходилось не раз обращаться к принцессе демиургов, и я попадал только в 3 комнату, откуда меня выкатывали в двери, похожие на лифтовые, к смеющейся принцессе. Я просто не мог пройти мимо такой вкуснятины. В этот раз, разговор с принцессой не получился, когда хрустит за ушами, слух притупляется, а когда видишь массу вкусных вещей, то мозг отказывается воспринимать весь остальной окружающий мир. После сытного обеда хотелось поспать и не просыпаться, потому, что завтра кормить тебя будет полевая кухня. Честно, я не помню, как мы добрались в музей, как прощались с принцессой, зато я на всю жизнь запомнил вкус вина, которым нас угостила Ширин. В девять вечера я, как штык, был у ковролёта, а к вечерней проверке, которую сам же провел, в своей казарме. После чудодейственной мази всё зажило, и рука заработала. В конце недели меня вызвали в штаб полка, где вручили лейтенантские знаки отличия и направление в столичную Школу Сержантов. Я должен обучать молодых сержантов стратегии, с проверкой знаний на практике. Единственно, в столице была возможность чаще видаться с Историком и моей новой высокопоставленной подругой, но я немного жалел за говорящим туалетом и за секретным ковролетом с Свистулькиным заклинанием. К хорошим мелочам привыкаешь легко, но когда их теряешь, то эти мелочи создают огромные проблемы. Первым делом я попросился со своим взводом, назначил временно-постоянного сержанта, последний раз сходил в клозет, сотворенный Великой Гусеницей, ушёл не оглядываясь. Пока шёл до ковролёта, слышал, как мне салютовал неприятель, радуясь моему повышению по службе. Вторым делом, я заказал три офицерские формы, парадную, повседневную и полевую. Две мне сразу подобрали, а парадную надо было шить в стране «Ё», попросили пару неделек подождать. Я переоделся в повседневную, расплатился с офицерским столичным Каптёром и отправился искать училище сержантского состава, под названием Школа Сержантов. Несмотря на массу военных, никто не знал, где находится эта школа, пришлось обратиться в столичный военный комиссариат. В комиссариате меня поставили на довольствие, выдав продуктовые карточки на месяц вперёд, сделали замечание, за то, что не ношу орден «Трёх стран-БЭЁ», отказываясь от положенных мне привилегий, дали брошюрку, почитать на досуге, какие привилегии полагаются кавалеру ордена. Отношение к офицеру, не сравнить с сержантским. Но самое главное, я узнал, что учебное подразделение только формируется, мне ежемесячно нужно будет отмечаться в комиссариате, пока нахожусь в служебном отпуске, спросили, как меня найти. И никаких ограничений, едь куда хочешь, но чтоб такого то числа, не зависимо от времени, был тут, у этого окна комиссариата, или любой комендатуры, где находитесь. Меня это устраивало, ах как устраивало! Я хотел забраться на остров «Великой Гусеницы» и просто отдохнуть, послушать шум моря, хотелось и Историка взять в Белую страну. Когда меня Историк увидел в офицерском мундире с орденом в петлице, у него на некоторое время отнялся дар речи. У него просто в голове не укладывалось, как это может быть. А когда я сказал, что прикомандирован к столице, то Историка таким радостным, я ещё не видел. Мне выдали целый рюкзак деликатесов, к моему жалованию, так что мы устроили праздник живота, вспоминая приглашение Ширин. Историк пожа-

ловался на принцессу: настырная, учиться не хочет, пропускает занятия, сладу с ней нет, что-то в архивах выискивает, а что – не говорит. Все пытается по-своему перекроить. Постоянно ругаемся. Может ты на неё повлияешь? Я его пытался успокоить, что молодая ещё, вырастет, по-другому мыслить будет. Он на меня посмотрел: -А, как ты думаешь, сколько ей лет? Лет 10-12, от силы: -ответил я на вопрос земляка. А 300, не хотел? -ошарашил он меня. Это же в 5 раз больше, чем нам обоим, -подумал я, но подвергать сомнению мысли друга не хотелось, спрашивать принцессу о возрасте-не этично, да какая разница, для меня она оставалась всего лишь ребёнком, на любую несуразицу, реагирующего смехом.

Ширин пришла ближе к вечеру, мне она показалась немного расстроенной, не всё видимо и у принцесс гладко. Но увидев меня, она повеселела, показав в спину язык, уходящему Историку. У них видно отношения зашли в тупик. Ширин поздравила меня с повышением, сказала, что эта форма мне более идёт, чем сержантская полевая, она не очень разбиралась в званиях, поэтому называла меня – Командир. С её лёгкой руки, на земле Эха, меня потом, многие так называли, я так и остался в истории этой страны, просто Командиром. Ширин засыпала меня незначашими вопросами, я не успевал отвечать, ей видно не хватало собеседника, но всё равно, мне с ней было легко и приятно. Я её спросил про Анику, три года прошло, как мы расстались, ей уже лет 14-15, невеста уже. Принцесса попыталась выудить у меня, что нас связывает с египтянкой, но успокоилась, узнав, что мы из одного времени. Аника? Аника? Её сначала спутали с мальчиком, отправили надзирателем в страну «Ё», с демиургом, специалистом по ветровихерту, он обещал человека по объёмному кондиционированию подготовить. Обман с полом потом раскрылся, но она так и осталась в стране «Ё». Пока справляется, значит на своём месте. Это была первая радостная весть для меня, за три подземных года. И тогда я поменял свои планы, вместо Белой страны, решил поехать в страну «Ё», на поиски своей пропавшей путницы. Ширин ничего не знала, ни где она живет, ни где работает, жива, да и ладно. Не царское это дело, пропавшими землянками заниматься. На следующий день, я занялся поисками ковrolёта в страну «Ё», у меня очень много времени ушло на поиски, все карты засекречены, местных жителей почти нет, одни приезжие, командированные и такие же депортированные, как я. Но, кое что я выяснил: большинство до страны, со странным названием, добирается морем, договариваясь с пиратами; но есть ещё труболёт, где трасса проложена в глубине земли, в трубе, в которой создаётся вакуум, и герметичная карета выстреливается, как снаряд бамбуковой трубки папуаса. Я не знал, что оказался первым, испытавшим этот вид транспорта, и сожалел об испорченном лейтенантском костюме. Всё что скопилось во мне за эти три дня, оказалось на стенках кареты и внутри моего нового костюма. Я, в момент полёта, превратился в амёбу, растаяв в широком кресле, от возникшего перепада давления, я даже не мог дышать, хорошо, хоть полёт длился недолго, секунд 5-10. Обрато я решил добираться морем. Меня тошнило после остановки кареты, и когда подбежали корреспонденты местной прессы, первым делом я их встретил залпом желудочного сока, потом они дружно убегали от ароматов экстремального вида транспорта. Кампания, неплохо, мне заплатила за первый испытательный полёт, поинтересовавшись моим мнением, закрепив за мной пожизненное право, пользоваться бесплатно услугами труболёта. Тогда то я и понял, почему эта страна называется «Ё»! Каждый, попавший сюда, с этой буквы начинает осмысление этой страны, и этой же буквой заканчивает свой визит, навсегда покидая её. Когда меня встретил служащий химчистки, он только и смог сказать: -Ё, мое! Ох, не.....себе! Меня чистили отдельно, мою одежду отдельно. Я похудел килограмм на сорок, брюки, после усушки, стали заметно короче, на мне всё болталось, и я стал похож не на эховского офицера, а на пугало...Ё-пэ-рэ- сэ –тэ. А если бы ещё и орден нацепил, то с меня бы хохотало три страны! На местном призывном-агитационном пункте, я поменял продуктовые карточки на дырявые звончики. Валюта в этой стране была особенная, сделанная из серебристого металла, с дырочкой, для экономии. Прохожие на меня смотрели, как на идиота, в коротеньких брюках, в форме, непонятного цвета с широченными, разлезши-

мися от химии, лампасами. Первым делом я решил приобрести, более или менее, приличный костюм. Везде по всем дорогам кто – то, что– то, продаёт. При одном только моём виде, каждый рад был предложить мне всякую всячину. Я подобрал себе приличный костюм, за приличную цену, при мне его завернули, даже указали, где померять можно. Я зашел в комнату, приятно пахнущую косметическими средствами, снял свой безобразно испорченный мундир, развернул пакет. А там, вместо приличного костюма, женские брюки, ещё короче моих, с ремнями, телескопической плёткой и лифчиком. Не-е-ет, такую гадость я не одену! Кинулся старую одежду надевать, а её и след простыл. Я точно помнил, что её на стул клал. На стуле аккуратно, стопочкой, лежали мои документы. Ни денег, не ордена... и главное, что сюда никто не входил...Ё...Ё. Пока я стоял полураздетый и выражал своё негодование, ко мне зашла девица с пирожком в зубах, при моём виде её глаза округлились и, слава Гору, она подавилась. Я успел налить ей воды с графина, и постучать по спине. Наконец, она прокашлялась, кричать ей захотелось, но и говорить она не научилась, онемела и от кратковременного сильного испуга, икать начала. Только пальцем показывала, я назвался, объяснил ей, как сюда попал, в эту примерочную, объяснил, что пропал костюм, старый костюм с орденом, осталось только это. Вы, когда -нибудь видели, как человек одновременно икает и ржет, как стадо мустангов. Она оказалась парикмахерша, пока выскочила за пирожком..., а тут цирк, с разводом, и голый долб... добропорядочный человек. Мне было приказано одевать что есть, и выметаться отсюда немедленно, а то она позовет какую– то крышу. И я, одетый по последнему крику моды страны «Ё», вышел по центральной улице к какой– то площади. Самое удивительное, что на меня перестали все обращать внимание. На площади разворачивались какие– то события, люди митинговали и выражали протест, толпа сзади начала теснить, и выкинула меня на середину сцены. Все сразу захопало. Я поднял руку, и хотел объяснить, что я случайно здесь оказался, но услышав притихшую толпу, я сказал: -Я против узурпации и колониального гнёта. Долой коллаборационистов! Толпа взревела, меня подхватили на руки и потащили, как знамя идейной борьбы, на ряды выстроившихся полицейских. Со всех улиц стал прибывать народ, и основные силы, смяли полицию, как морскую пену, разметав её по площади. Меня выкинули на постамент, вместо свергнутого последнего президента. То– то спросил, как меня зовут, я ответил-Джафар, непривычное имя для жителей подземелья, тут же переименовали в Джафру, в соответствии с моим нарядом. Я потом себя увидел в местных газетах-Джафра, спасительница демократии, честное слово, в той образине, с поднятой рукой, я себя еле узнал. Потом пришли войска и отлупили всех, я хоть переодеться смог, здесь столько всего валялось, даже два мешочка звончиков нашёл, рядом с полицейским, которого солдаты задним числом отделали, чтоб от народа не шибко отделялся. Теперь я был при деньгах, при документах, одет, как Еркин бабай, с городом немного знаком, с его повадками тоже. По опыту знаю, что всё дешёвое на окраинах, уже начинало темнеть, и первый же, к которому я обратился насчёт жилья, оказался Белостранцем, впервые мне повезло в этом мире. Я его сразу узнал-это был Дорт, ночной вор, потом и он меня припомнил. У него сегодня был неудачный день, попался солдатам и те ободрали его, как липку. Но престиж профессии вора не позволял злиться, но и голодным ложиться тоже не хотелось, хоть в профсоюз обращайся. Я предложил выход из положения-он мне ночлег, я – ужин. Дорт повеселел, в профсоюз идти-это последняя стадия, где тебе один звончик дадут, а ты потом десять должен, ещё и проценты навесят в геометрической прогрессии. Мы зашли в магазин, накупили еды. Еда здесь была получше и покачественней, чем в тех странах подземелья, где я побывал. Купили даже немного вина. Мне откровенно, магазин понравился, и это на окраине. Дорт привел меня в какую-то маленькую гостиницу, это тоже профсоюзная, сказал он, для воров бесплатно, для остальных-по тарифу, пока Мякиш в полицейском участке парится, сойдешь за него. У Дорта был номер на двоих, мы проникли в него незаметно. Ночной вор сдал, похудел, с легкими было не хорошо, покашливал, что сильно работе мешало. Пока ели, он рассказал, как попал в страну «Ё». Когда всех начали прогонять через тюрьму, он прочувство-

вал, когда за ним придут, собрал все драгоценности, поменял на звончики и свалил с пиратами, но по пути, нарушив все договорённости, нас обстреляла эскадра военных кораблей Эха, в живых остались только он и капитан. Капитан всегда последний покидает тонущий корабль, в надежде, что его спасут в последний момент, а его, просто в каюте забыли, он проснулся, когда вода подушки коснулась, пришлось до палубы, по пояс в воде пробираться. Подошёл катер, и снял нас с тонущего корабля. А остальные потонули, наверное. С капитана контрибуцию затребовали, а меня профсоюзу продали. Два года выплачивал, но слава богам, выплатил. Теперь, только членские взносы плачу. Разница с Белой страной большая, нас на всю страну два вора было-дневной и ночной, а тут целая гильдия, работают бригадами. Я ему рассказал о своих приключениях в стране «Ё», он посмеялся: -Наших работа, попросил орден описать. Если, говорит, не ушёл, постараюсь тебе возратить, покажу класс Белой страны, но, если получится, то тебе придётся свалить из города, на недельку. И сам ночью пропал, всё-таки Дорт был ночным, привычка такая. Я ему один из мешков с звончиками оставил, на лечение, должно хватить. Утром он разбудил меня, ещё темно было, дал пять орденов, не зная, какой мой, повесил их хоть на трусы, но только не свети. Я сказал ему насчёт оставленных денег, он поблагодарил меня, что сказал, а то проблемы могли быть, и помог вылезть бесшумно в окно. Я потопал от города. Скоро включили дневной свет. В подземелье только два состояния: день и ночь. Ночью горят только дежурные фонари, правда их включают постепенно, днем они тухнут, загораются дневные мощные лампы. Я шёл наобум, куда глаза глядят, а глядели они на маленький хуторок из пяти домов. Отдельно стояло закуратно-питьевое заведение, с комнатами, для различных целей, что-то здесь было, напоминающее почту и комендатуру одновременно, правда дверь в почту была закрыта. И вообще, всё было закрыто, кроме входной двери, за которой сидела барышня неопределённого возраста, выполняющая функцию швейцара. На двери висел огромный прейскуронт, за оказание услуг в пятизвёздочном отеле «Драндулетик». Мне же надо было только спросить, я вспомнил абаку, что преподавал мне учитель. Чтобы задать вопрос, без гарантии получения ответа, мне согласно прейскуронта, нужно будет оплатить 14звончиков, ответ приблизительно стоил столько же, округляем, получаем 30 звончиков, не за что. Ещё раз внимательно читаем прейскуронт: Открывание швейцаром двери-один звончик, закрывание швейцаром двери-один звончик. Обращение к администратору гостиницы – 5 звончиков, открывание почтового помещения-один звончик, обращение к почтальону-5звончиков, закрывание почтового помещения-один звончик. Арендовать номер...Пригласить в номер даму... Вот, ответ почтальона на задаваемые вопросы-10звончиков, в конце прейскуронта, мелкими буквами,-Стояние, без дела, перед входной дверью и вызов полицейского-100 звончиков. Я не знал, сколько у меня звончиков в мешочке, но швейцар открыла дверь, я уже был ей должен 2звончика, потому, что после того, как я вошел, эта же женщина закрыла дверь. Женщина переместилась за стойку администратора, сменив головной убор, передо мной теперь была, администратор гостиницы, я ей сказал, что мне нужна почтальонша. Женщина одела сверху форму почтальона и пошла открывать дверь. Все вопросы только на рабочем месте. Я хотел узнать, где находятся специалисты по ветровихерту, женщина ответила тихо и невразумительно, я ничего не понял...меня явно разводили. Потом женщина сказала, что с меня 50 звончиков, я возмутился, а если бы я заказал публичную женщину? Почтальонша мгновенно превратилась в товар любви, но когда мой счёт подошел к 1000звончикам и мне, после скандала, пришлось связывать эту же женщину, в форме полицейского, одев на неё, её же наручники, а булу-парализатор, засунув себе за пояс, я уже наверно заработал пожизненный срок, поэтому, совсем не стесняясь, надев кухарский колпак, приготовил себе бесплатный обед и спокойно поел, не обращая внимания на мычание вымогательницы. На всякий случай закрыл единственные входные двери и повесил табличку со словом «Переучёт». У моей пленницы был сложный период в её жизни, она подсчитывала, сколько я буду ей должен, после освобождения, я старался не лишать её иллюзий, и пошел спать. Этот день вымотал меня. Проснулся от того,

что кто-то внизу скулит. Пришлось натягивать проволоку между отелем и туалетом. Каждый час я задавал новоиспечённой женщине-полицейской один всего вопрос, насчёт ветровихерта, в течении трёх дней получал разные ответы, от криков и угроз, непонятного шипения и голодных истерик, до вразумительного и честного-не знаю я! Но незнание, не освобождает от ответственности, я потребовал расписку, за причинённый мне ущерб, в которой просил написать полицейскую, что она проиграла спор, по которому, за любую требуемую от меня сумму, она мне должна мне на тысячу звончиков большую. Я действовал методами страны, запах жаркого и других блюд, сломили сопротивление служительницы Фемиды. Скоро, расписка, заверенная печатью пятизвёздочного отеля, лежала в моём кармане, а преуспевающая бизнесменша подала свою прибыль, не выходя из кухни, сопровождая свой ритуал тигриным урчанием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.